

ЛЕВ
ОВАЛОВ

ПУТЕШЕСТВИЯ
МАЙОРА ПРОНИНА

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Арсений Александрович Замостьянов
Геннадий Анатольевич Жигарев
Лев Сергеевич Овалов
Сергей Алдонин
Путешествия майора Пронина
Серия «Майор Пронин»
Серия «Тайный фронт»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70337902
Путешествия майора Пронина: Родина; Москва; 2024
ISBN 978-5-00222-246-9

Аннотация

Перед вами новая книга легендарного писателя Льва Овалова о не менее легендарном чекисте майоре Пронине. Современные авторы дополнили ее по скрижалям классика. Действие книги переносит нас во времена Великой Отечественной войны и в хрущевские годы. Майор Пронин выполняет секретное задание в Иране, направляется в Великобританию – и оставляет в дураках лучших представителей четырех зарубежных разведок. На этот раз ему удастся спасти престиж вождя СССР и покорить иранскую шахиню. Никогда Иван Николаевич Пронин не был так изобретателен и дерзок!

Содержание

Об этой книге	5
В Тегеране больше не стреляют	8
Задание с двумя неизвестными	8
Персидские мотивы	18
Первый выстрел	32
Профессор Балабанов	52
Курдский вопрос	68
Танец дервиша	81
Московский гамбит	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

**Овалов Л. С., Жигарев
Г. А., Замостьянов А. А.
Путешествия
майора Пронина**

© Овалов Л.С., Жигарев Г.А., Замостьянов А.А., 2024

© Алдонин С., сост., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

*** * ***

Об этой книге

У этой книги захватывающая история. Писатель Лев Сергеевич Овалов, создатель незабываемого образа майора Пронина – советского Шерлока Холмса и Джеймса Бонда, который по проницательности и моральным качествам превосходит своих зарубежных коллег – оставил несколько неосуществлённых замыслов, черновиков, которые завещал соавторам этой книги, в то время – молодым журналистам. Там хранятся интереснейшие фабулы, во многом связанные с реальными историческими коллизиями. Некоторые из них он не успел закончить, да и сомневался – можно ли писать не только о вымышленных, но и об исторических деятелях?.. На это в советские времена для мэтров жанра военных приключений существовал негласный запрет, который нарушали крайне редко.

Эти потаённые истории долго хранились в архивной пыли, вдали от читательского внимания. Мы решили воплотить замыслы выдающегося писателя, используя его черновики и наброски. Так получился роман «В Тегеране больше не стреляют» и небольшой рассказ «Голова Командора». Надеемся, что эти образцы классического шпионского жанра в советском духе придутся вам по душе.

Геннадий Жигарев, Арсений Замостьянов

Анна Леон. Портрет Льва Овалова

#

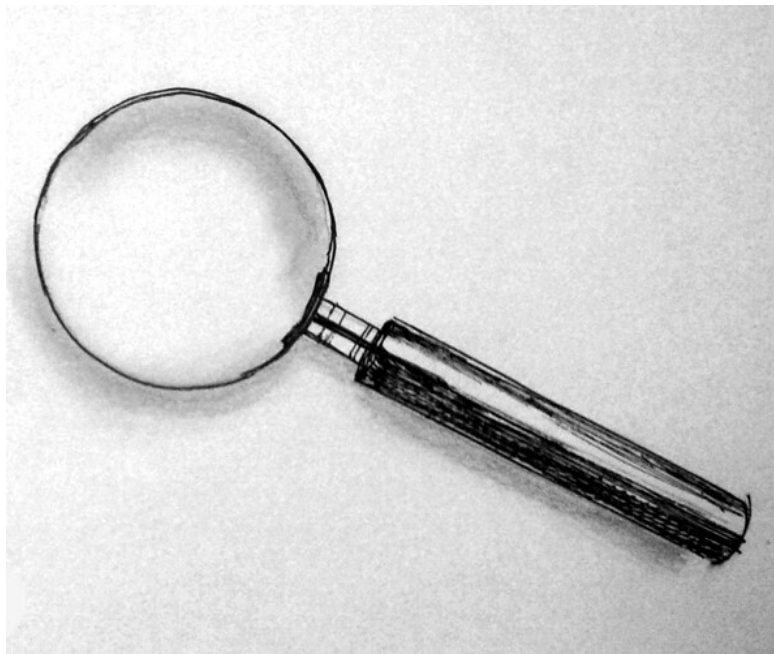
В Тегеране больше не стреляют *роман*

Задание с двумя неизвестными

После Сталинграда война пошла на новый лад. Как будто после затяжной зимы стало светлее. Полковнику госбезопасности Ивану Николаевичу Пронину в те дни часто снилась Победа. Торжественный голос Левитана, наши знамена, Красная площадь – и конница, конница, пролетающая по брусчатке на праздничном параде. Такой он видел Победу в те дни, когда в сонном воображении к современной фронтовой реальности примешивались воспоминания Гражданской войны.

Проснулся Пронин от яркого солнечного луча, который сквозь штору прорвался в его комнату на Кузнецком мосту. Редкая спокойная ночь дома... Как он соскучился по этому холостяцкому уюту. Старинный текинский ковер на стене, небольшая коллекция оружия, письменный стол, любимые потертые книги... А вот – потускневшая от времени гитара, подарок одной цыганской певицы, которую Пронин в свое время спас от гибели. Патефон марки «Хиз мастерс войс»... Он сыграл ключевую роль в одной предвоенной шпионской

истории. Пронин потянулся, присел на кровати, прыгнул на ковер. На столе – вчерашний недопитый чай в стакане. Он сделал несколько глотков. Немного позанимался гимнастикой – и в ванную. Пока он чередовал горячий душ с холодным – пришла Агаша. Экономка и домашний гоф-маршал. Она занимала соседнюю квартиру.

– Кофе или какао? – крикнула она ему из кухни. Пронин выключил воду и четко ответил: «Кофе».

Пока он обтирался и, разминаясь, бегал по коридору – завтрак уже был готов. Яйца всмятку, гренки. На блюде – порезанные куски алтайского сыра и лимонные дольки в сахаре. Кофе она подала в любимой большой чашке Пронина – в такую в пору бульон наливать. Рядом торжественно поставила небольшой ковшик со свежими сливками.

– Слыхали, Иван Николаевич, Италия бурлит. После Сталинграда они тряханули своего Муссолини... Говорят, оттуда и британцы наступать будут.

– Беда с этими итальянцами. То фашизм изобретут, то эпоху Возрождения... – Пронин с аппетитом завтракал, но не забывал и отвечать на вопросы Агаши. – Ренессанс, как говорят французы, наголову разбитые проклятым Гитлером.

Когда в дверь позвонили, Пронин сразу понял, что это нарочный от наркома. В таких случаях чутьё его подводило редко. Так и есть. Сегодня к трем часам Лаврентий Палыч ожидает его в своем кабинете. Здесь, на Лубянке, в двух шагах от Кузнецкого.

Пронин хорошо знал этот просторный кабинет, затерянный в лабиринте коридоров Большого Дома. Как всегда в таких случаях, Берия на время удалил охрану. Дверь отворилась сама собой – и перед Прониным предстал сам нарком. Он с почетом встретил любимого сотрудника на пороге кабинета.

– Ну проходи, проходи, гроза дашнаков! – Берия улыбался.

ся, почти не показывая зубов.

– Здравствуйте, Лаврентий Павлович, рад видеть вас в здравии.

– В полном здравии, заметь. Не отравила меня эта гадина. Она сейчас здесь, во внутренней тюрьме. Но я даже ее не допрашиваю. Противно. Довэрил это дело другим, – Берия имел в виду немецкого агента Макс – очаровательную женщину, которая чуть не убила его в Баку. Пронин был одним из немногих посвященных в это деликатное дело.

Берия по-хозяйски показал рукой на самое почетное кресло. На краю стола была сервирована легкая трапеза, без которой разговор не разговор. Чайник, кофейник, минеральная вода, печенье, баранки, сулугуни.

– Садись. И я присяду, а то сегодня набегался. Наливай себе по вкусу – чаю, кофе. Можем и вина выпить. Хотя лично мне сегодня нужна трезвая голова. Вечером – к товарищу Сталину.

Пронин налил себе крепкого чаю. Сам Берия предпочел кофе и тут же отправил в рот печенье.

– Я, конечно, вызвал тебя не для бакинских воспоминаний. И не для поздравлений с высокой наградой, которую ты честно заслужил.

– Не те времена, Лаврентий Павлович, чтобы поздравлять и праздновать.

– Правильно понимаешь, товарищ Пронин. Я, пожалуй, сразу к делу перейду. Ты знаешь, что в Иране сейчас разме-

щены наши и британские войска? А в последние месяцы там появились и американцы. Они особенно полюбили железную дорогу... Устраивают свои посты возле полустанков... А власть в Тегеране формально принадлежит молодому шаху Мохаммеду Пехлеви. – Пронин кивнул. – У нэго имеется жена. Красавица Фавзия, дочь египетского короля Фуада, – Берия бросил на стол большую фотографию эффектной восточной женщины с голубыми глазами и причмокнул: – Настоящая жэнщина!

– Да, Лаврентий Павлович, если вы прикажете мне вывести тайны Тегеранского двора через ее спальню – я не откажусь.

– Но нэ в роли евнуха, конечно! – хохотнул Берия.

– Времена евнухов в Иране давно прошли.

– Да это я пошутил. Извини. Дело как раз не в этой красавице. Мухаммед, как ни странно, к ней абсолютно равнодушен. Молодой дурак! Изменять начал уже через неделю после свадьбы. А в последние годы они вообще не общаются. Как у нас говорят – развод и девичья фамилия. Она тоже хороша. Нервическая барышня оказалась. В общем, дурдом по ней плачет, а не шахский дворец. Она даже с ножом за ним гонялась...

– Понимаю, Лаврентий Павлович.

– Но в одиночестве он долго оставаться не намерен. Да и нельзя – по традиции. Получена информация – сразу из нескольких источников. Нэмцы хотят подсунуть молодого

му Пехлеви невест из знаменитого парфянского рода Бахтияров. Младшую зовут Сорайя Исфандияри–Бахтиари. Даже мнэ трудно произнести, а я персов много повидал. Мы же там даже революцию готовили. И нэ один раз. А ты и не пытайся, называй ее просто – Сурия. При этом ее мать – немка. И не просто немка. А русская немка. Ты понимаешь задачу? Надо объяснять?

– Хорошо бы, Лаврентий Павлович.

– Девчонке всего шестнадцать лэт. Но характер бойкий. Тоже красавица, мэжду прочим, но с зелеными глазами. Уж поверь мне, пэрсик, настоящий спелый пэрсик! – Берия бросил на стол еще одну фотографию. – Когда-то жила в Персии. Ведь ее отец был крупной фигурой лет 15 назад... Но все они давно забыли свои родные пенаты. Учились сестрицы в Швейцарии. Как, кстати, и Мохаммед. Только на несколько лет позже, конечно. Он в те годы был тот еще ходок. Да и сейчас всё при нем осталось. Ему не нравятся классические восточные красавицы. Любит женщин активных, спортивных. Есть информация о романах с балеринами и даже с одной акробаткой, – Берия усмехнулся. – Эта Сурия, думаю, будет в его вкусе. А что касается старшей сестры, Арзу... Тут задание будет такое. Ее должен соблазнить кто-нибудь из наших офицеров. Подбери там подходящего ловеласа. Выбор будет что надо. Ну, всю информацию ты получишь. Время на подготовку будет. Спешить не станем. Кстати, обе сестрички отлично говорят по-русски.

– Ну, слава богу! Я-то по персидски – ни бум-бум.

– Ничего. Там многие говорят по-русски и по-немецки, ты нэ будешь ощущать дискомфорт. Ситуация очень простая. Немцы понимают, что сейчас Иран для них закрыт. И хотят открыть его через альков шаха. Но прибудет она туда из Швейцарии транзитом через Италию. Вместе с мамашей и с нэсколькими слугами. В иранский порт Бендер–Ленге. Его сейчас контролируют англичане. Но и наши военные советники там имеются. И разведка, конечно. Твоя задача – познакомиться с ними уже в порту. Ты торговый представитель СССР, большая шишка. Прилетишь сначала в Тебриз, там наши кругом. А потом – в этот самый порт. Оттуда, уже с ними – в Тегеран. Возглавишь на время всю резидентуру в Иране. Сдэлай так, чтобы эти дамочки вспомнили, что они именно русские немцы. Надо полностью скомпрометировать гитлеровскую Германию в их глазах. После Сталинграда это не так уж трудно. Особенно для такого аса, как ты. Нам надо, чтобы эта девчонка стала нэ просто женой шаха, а той шеей, которая вэртит головой. И вэртит в выгодном для нас направлении.

– Задачу понял.

– Понял, да нэ всю. Сейчас планируется встреча лидеров Большой Тройки. Где они встретятся – пока неизвестно. Но очень возможно, что в Тегеране. Туда лично в любой момент может прибыть товарищ Сталин. Его охрана – это еще одна твоя задача. Связь будем держать постоянно.

По вопросам, которые касаются товарища Сталина, — напрямую со мной.

— Не впервой, Лаврентий Павлович, — Пронин улыбнулся.

— Теперь о совсем хорошем. Будет у тебя там верный помощник. Хосе Альварес. Вы немного знакомы по Москве. Опытный разведчик, испанец. Там будет работать под странствующего миллионера, который как бы заигрывает и с Советским Союзом, и с Ираном. Москва его спасла, но у нас трудно быть магнатом. Такая вот легенда. А вообще он парень боевой, — Берия улыбнулся. На этот раз широко. — Но это еще не всё. Ты там как эмиссар Совнаркома будешь представлять шаху и всему честному народу нашу культурную программу. Балет, цирк. Артисты уже в Тегеране. Тебя ждут не дождутся. Это поможет создать нужную атмосферу, наладить отношения с шахом, да и вообще с местной верхушкой. Понимаешь?

— Чего же тут непонятного?

— Это очень хорошо, что ты не нэрвничаешь, — Берия поднял вверх указательный палец. — Ты и в Баку не нэрвничал. И всё хорошо получилось. Там тебя, я помню, в ногу ранило. Заживает?

— Подлечили, Лаврентий Павлович, всё в порядке. Хромаю слегка и скорее для вида.

— Это хорошо, что для вида. Но я еще не всё задания тебе объяснил. Ты понял про американцев?

— Понял, Лаврентий Павлович.

Берия подлил себе кофе.

– Многовато их там стало. Если ты их нэмногo скомпрометируешь – лично я буду тебе благодарен.

Пронин пожал плечами:

– И это мне не впервой, Лаврентий Павлович. Дадите время – займемся и американцами.

– Во времени я тебя пока не ограничиваю. Пока! Как всё обернется через месяц или два – гарантировать нэ могу. Война. Тебе сейчас на квартиру целый ящик завезут со всякими фотографиями и вырезками про всю эту публику и про Тегеран. Но и я тэбя из кабинета без подарка не выпущу.

Берия, покряхтывая, встал, подошел к шкафу, открыл дверцы и достал старую зеленую бутылку, запечатанную сургучом.

– Трофей! Прямо как из «Тысячи и одной ночи». Паулюс возил с собой коллекцию старинных вин. Эта бутылка из его собрания. В Сталинграде наши разведчики захватили ее еще до капитуляции этого Паулюса. Посмотри на бутылку. Италия. 1790 год. Понимаешь?

– Разъясните, Лаврентий Павлович.

– В том году наши Измаил взяли. Вот и для тебя пускай этот Персидский поход закончится так же удачно, как для Суворова – взятие Измаила. А персы, как известно, заклятые соседи турок, – Берия улыбнулся.

Пронин чинно принял подарок:

– Спасибо, Лаврентий Павлович.

– Только не пэй это вино. Пускай и у тебя будет коллекция. Не хуже, чем у этого Паулюса. Кстати, знаешь, как мы решили назвать эту операцию? Ту самую, в которой ты сыграешь главную роль?

– Лаврентий Павлович, ну, я же не гадалка... И в мыслях читать пока не научился, как Вольф Мессинг.

– А назвали мы её метко и красочно. Операция «Сват».

Берия захохотал. Это слово почему-то смешило его:

– «Сват»! Неплохо, а?

Пронин возвращался домой пешком. Хотелось прогуляться, продышаться... «Самое трудно – эти две дамочки. Сурия, Арзу... Кто я для них? А, может, они пронемецки настроены? А может, вообще – дурёхи. Вот тебе и уравнение с двумя неизвестными. А решать его необходимо. И без раскочки».

Персидские мотивы

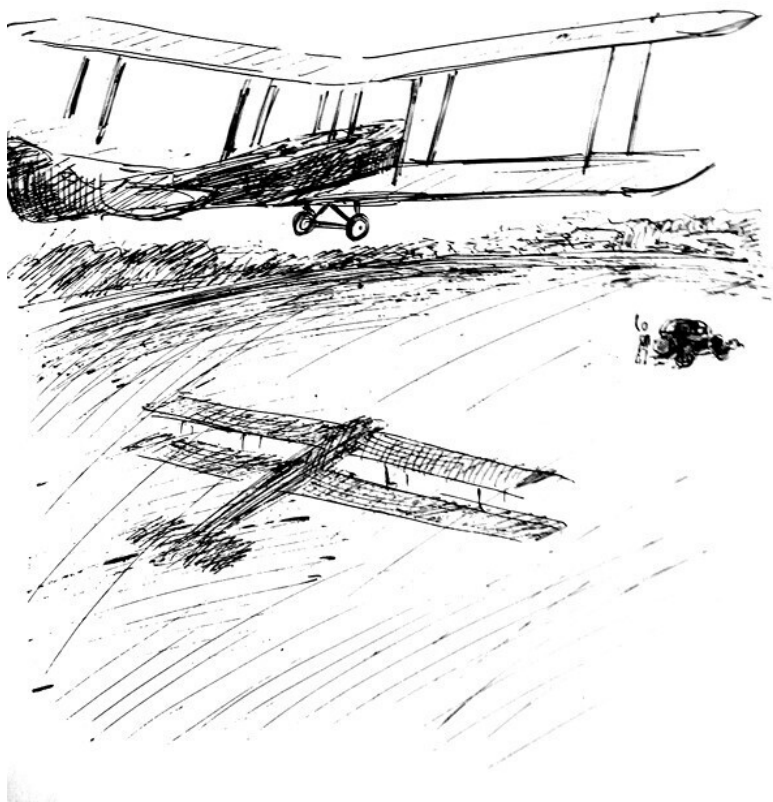
Следующий вечер Пронин проводил уже в Баку. Ужинал он на квартире Мосолова. А ночью – самолёт. Полёт из Баку в Тегеран прошёл безукоризненно. У трапа Пронина, раздетого в шикарный штатский летний костюм, встречали офицеры – все сплошь с курскими или калужскими лицами. В зале ожидания он приметил группу англичан – несколько офицеров и молодой падре в черном облачении.

Первого настоящего иранца Пронин встретил только через полчаса после приземления. Это был дворник, мелахнолически подметавший дворик перед аэродромом. А вокруг крутились командиры Красной армии, британские офицеры и советские люди в штатском, пришедшие сюда специально, чтобы поприветствовать Пронина.

После тряски в самолете мысли в голове крутились неожиданные. «Вот ведь, даже во время такой войны нашлись и у России-матушки силы, чтобы вот так играючи занять страну, которая еще недавно считалась империей!» – думал Пронин с гордостью. – Правда, и англичане нам в этом деле помогли. Конечно, ради собственных интересов. Что ж, будем союзниками. До поры, до времени».

Окраина Тегерана, по сравнению с Баку, выглядела по-нищенски. Пронин как будто попал в позапрошлый век. Какие-то попрашайки, оборванцы... Выделялись только офи-

церы и редкие местные богачи – купцы-азербайджанцы, чинно гулявшие по городу в окружении клерков и охранников, разъезжавшие по улицам на немецких машинах, а по речной глади – на немецких катерах.

Полёт из Баку в Тегеран прошёл безукоризненно

Странная держава Иран. Пронин и по книгам знал, и воочию убедился, что в этой стране каким-то образом исламский фанатизм уживался и с любовью местной элиты к европейскому образу жизни, и с уважением к своей персидской древности, к империи Ахеменидов, к Киру Великому и к религиям, которые рождались на этой земле. Странно! Но, быть может, такой и должна быть настоящая империя? А это все-таки империя с традицией почти на три тысячи лет.

Возле аэродрома, в тихом и бедноватом ресторане, к Пронину подсел Альварес – крупный, начинающий сидеть брюнет, аккуратно зачесывающий волосы назад и чем-то их смазывающий. Бриолин, что ли? Пронин плохо разбирался в этих парфюмерных средствах. Как большинство испанцев, Альварес мимикой предварял любое свое высказывание. Иногда это получалось комично. Пронин немного знал его еще по Москве – и, конечно, они обнялись, как старые товарищи.

Альварес тут же, без прелюдий, перешел на «ты».

– Я здесь уже не первый месяц, Иван, и скажу тебе, этот шах просто слабак.

– Понятное дело, опыта нет...

– Один русский мне говорил: двадцать лет, ума нет – и не будет. Тридцать лет, денег нет – и не будет. Сорок лет, жены нет – и не будет. Неплохо сказано? – Альварес захохотал и потребовал вина. – Выпьем за встречу? Вот уж не ожидал, что именно в Иране тебя снова увижу!

– Жаль, что не в Испании.

– Жаль. Но мы ее обязательно освободим. Правда, Иван?

– Конечно!

Они чокнулись массивными стаканами, в которых здесь подавали и чай, и вино, и любые другие напитки.

– А теперь расскажи в двух словах, как здесь относятся к русским?

– Одно могу сказать сразу: гораздо лучше, чем к англичанам. – Альварес снова громко захохотал. – Здесь русские живут давно. Одна казачья гвардия шаха чего стоит. Ведь это они привели к власти династию Пехлеви! К тому же в Иране полно азербайджанцев и армян. Многие из них говорят по-русски и тянутся к Советскому Союзу.

– Тянутся... – повторил Пронин. – Любо-дорого послушать.

– Ну, конечно, не всё так радужно. Немцев прогнали, англичан обливают презрением, но американцы здесь в последнее время расшумелись. Зачастили к шаху, к его генералам. Это мне не нравится. Тебе, я слышал, шикарный особняк приготовили. Ценят! – Альварес быстро перескакивал с одной темы на другую. – Я тут в гостинице устроился. Хотя и дорогие апартаменты, а не так удобно. Ты не против, если я через недельку к тебе переселюсь? Вдвоем веселее.

– А почему через недельку? Переезжай сразу.

– Нет. Это было бы наглостью. Ты должен освоиться здесь, осмотреться. В первые дни я стал бы тебе помехой.

– Да ты, оказывается, еще и деликатен! – Пронин похлопал Альвареса по плечу.

Но вот подросла посольская машина – и друзей вволю повозили по центру иранской столицы. Перед Прониным открылся древний город. Они увидели огромный восточный базар, отметили огромные купола мечети Святой Фатимы и ворота огромного дворцового комплекса Саадабад, в котором Пронину придется бывать почти каждый день.

Представителю советского наркомата торговли от щедрот шаха выделили двухэтажный особняк с фруктовым садом. Целую виллу! Во дворе располагалась кухня. Туда два раза в день наведывался повар, рекомендованный самим Мохаммедом Пехлеви. Проверенный человек, которого рекомендовали и товарищи из НКВД. Он готовил для Пронина обед и ужин.

В доме имелось две спальни, но Пронин по привычке устроился в гостиной, на диване. Чтобы всё было рядом, под рукой. Расположил чемодан в шкафу, налил себе из графина воды. Жарко! В другом графине имелся какой-то сладкий охлажденный напиток типа нашего лимонада. Но Пронину хотелось обыкновенной воды, даже негазированной.

После дороги и от зноя мысли в голове путались, но надо было сориентироваться – куда он попал? Личных наблюдений пока было немного, но материала для раздумий хватало.

Иран, оккупированный британскими и советскими войсками, стал полем тайного сражения сразу нескольких разве-

док. Во-первых, союзники не собирались друг с другом играть в открытую и делиться всеми секретами – и продолжали напряженную борьбу с прицелом и на послевоенные годы.

Во-вторых, со времен Реза Пехлеви, любившего вспоминать арийское происхождение персов, в Иране жили и работали немцы. И, конечно, не только инженеры и ученые, но и глубоко законспирированные рыцари плаща и кинжала. Пехлеви опасался британской и советской экспансии, считал, что немцы до Ирана не дойдут, не проглотят его страну – и опирался на них, сохраняя независимость от Москвы и Лондона. Это началось еще до прихода Гитлера к власти, а при нацистах только усилилось... Правда, 22 июня 1941 года смешало ему карты: становиться прямым союзником фюрера шах не собирался и большой войны с северным соседом не хотел. Побеивался русских танков.

Когда, под давлением Лондона и Москвы, Тегеран выслал за пределы страны большинство немцев, шпионы, конечно, постарались затеряться в персидских городах. Для них пришло время наиболее острой тайной войны с русскими и британцами... Действовали в Иране и тайные исламские организации, и сионисты, боровшиеся за восстановления еврейского государства в Иерусалиме...

Наконец, казаки, издавна жившие в Персии. Именно они когда-то – еще в 1920-е годы – возвели на шахский престол тогда ещё молодого и отважного Резу-хана. Они уважали его за решительность и щедрость, он отвечал им тем же. Первые

казаки появились в этих краях еще в екатерининские времена. Это были вольные конники, главным образом – «лыцари» запорожского войска, недовольные политикой России. Многие из них сохранили верность старой веры, отвергая никонианство. Некоторые приняли ислам. Век спустя, в 70-е годы XIX века, персидский шах Насер ад-Дин побывал в России. Его восхитила джигитовка казаков, служивших в охране российского императора... Он попросил «белого царя» направить в Персию русских офицеров для создания и обучения персидской казачьей кавалерии. С тех пор в Тегеране появилась казачья бригада. Там служили и русские, и персы, но заправляли природные казаки с берегов Дона. После Гражданской войны их ряды пополнились казаками, не примирившимися с советской властью. Правда, таких в Персии осело немного. Пронин знал, что среди персидских казаков есть и ярые противники советской власти, и сторонники Советского Союза, которые восхищались Красной армией. На этом обязательно нужно было сыграть!

Пронин понимал, что ему нужно учитывать действия всех секретных сил, бурливших в Персии, как подземные речные потоки. А лучше – познакомиться с представителями каждой из них. И действовать нужно не в одиночку, а во главе группы – с опорой на профессионалов, которые давно обжились на Востоке и работали на Советский Союз.

Он составил план на ближайшие дни. Завтра – в порт Бендер-Ленге. Как раз завтра туда прибывают сестрицы с их оча-

ровательной мамашей. И он просто обязан с ними познакомиться.

Послезавтра – представление советской культурной программы в присутствии шаха. Для Пронина – своего рода премьеры.

В тот же день, если получится – прием у местного магната, знаменитого торговца коврами. Пронин знал о нем немало: еврей отчасти с сирийскими, отчасти с одесскими корнями. Немного понимает по-русски. Одно время даже подбрасывал денег арабским коммунистам. Так что Пронина и Альвареса в этой компании ждут. Будут там, скорее всего, и наши золотые рыбки...

В конце бурного дня Пронин решил прогуляться, вышел в сад – размяться на свежем воздухе. Шахский повар принес сегодня замечательный, но уж очень жирный обед... Иван Николаевич несколько раз отжался, упершись руками в низкую лавку. И, видно, испугнул кого-то в кустах. Он присел на корточки, присвистнул. Из листвы показалась длинная оскаленная морда. Пронин легонько хлопнул в ладоши. Из кустов выпрыгнула собака – видно, еще молодая, но уже немало повидавшая на своем бродячем веку. Первоклассная дворняга серого цвета, не похожая ни на одну из благородных собачьих пород. В морде – что-то от овчарки, но посадка другая. Шерсть длинная, пушистая.

– Шарик! – позвал Пронин. – Шарик, ко мне!

Собака с охотой подошла к нему. «А глаза-то голодные,

и хромает на одну заднюю лапу». Пронин побежал на кухню, отрезал кусок колбасы – московской «Любительской», из посольства. Шарик уже стоял на ступеньках и ждал его. Услышав шаги Пронина, он так завилял хвостом, что уронил портфель, который Пронин оставил на ступеньках.

– Шарик! А ну попробуй московской колбаски.

Он сразу доверился этому большому и доброму человеку. И «Любительскую» съел с удовольствием, в одно мгновение. Он даже дал Пронину осмотреть себя. Блох у него не было. Зато лапу кто-то искалечил ножом... И совсем недавно. На собаках заживает быстро, а у Шарика из лапы еще сочилась кровь.

– Ничего, друг, подлечимся, – Пронин достал йоду, принес еще колбаски. Промыл рану, закапал туда йода и забинтовал лапу. Шарик стойчески переносил все эти процедуры, еще раз подкрепившись московской колбасой.

– Вот подлечимся и будем учиться. Я сделаю из тебя настоящую собаку.

Шарик, благодарно глядя на Пронина, лизнул его в нос. Он был понятливым псом. Нужно было уходить... Пронин отвел Шарика в нежилую комнату, примыкавшую к прихожей. Там стояло старое кресло. Туда же он принес миску молока и пару костей, которые нашел на кухне.

– Сейчас я усну на несколько часов. Так что сразу всё не съдай и не выпивай. И главное – не сдирай бинт. Ты же понимаешь по-русски?

Командировка началась с этой находки: Пронин неожиданно обрёл нового друга.

Немного повозившись с Шариком, он направился в душевую, потом, посвежевший, переделся в новенький халат, предоставленный гостеприимными хозяевами, прилег, чтобы продолжить рассуждения, но сразу провалился в глубокий сон.

...Порт Бендер-Ленге напоминал Тебриз – и обилием попрошаек на улицах, и облупленными фасадами. Только красноармейцев там было гораздо меньше, а английских военных – куда больше. Чем ближе к морю – тем пестрее и многолюднее толпа. Дышать нечем! Но Пронин прибыл туда с личным водителем, в роскошном «Мерседесе». За ними на всякий случай следовал и второй посольский «Мерседес» – для гостей. Вдруг Пронину удастся сразу взять трех дам под свое крылышко?

Пароход «Святой Пантелеимон» прибывал ровно в полдень. С одиннадцати часов Пронин прогуливался по порту. Зашел в грязноватый ресторанчик, где сразу услышал азербайджанскую речь. Перекусил. Прогулялся по саду, весьма замусоренному. Однако в гуще сада обнаружил огороженный павильон. Оказалось, это дорогой ресторан «для избранных». Там любит ужинать английский генерал! Денег у Пронина имелось немало, и он решил рискнуть. Потребовал, чтобы его пропустили в этот закрытый павильон, нашел повара-армянина, немного говорившего по-русски. Объяс-

нил, что он торговый представитель Совнаркома. Щедро заплатил метрдотелю и забронировал себе лучший столик.

– Французское шампанское у вас имеется? – спросил он повара.

– Есть «Клико», дорогой гражданин. И водка тутовая есть. Что ж, день начинался неплохо.

Он поспешил к пароходу. Водитель Василич из посольства – двухметровый здоровяк, с трудом уместившийся в автомобиле – умело растолкал всех встречающих, пролагая путь для Пронина. Иван Николаевич в белоснежном костюме и не менее белоснежной летней шляпе, с роскошным букетом в руках не спеша пробирался к трапу. Два других букета держал в своих ручищах водитель.

Мимо проходили коммивояжеры, британские офицеры и военные инженеры, персидские торговцы... Трех красавиц Пронин заметил сразу, издалека. И немедленно бросился к ним навстречу. Один за другим вручил всем троим по букету, перецеловал ручки. Всех одарил своими визитными карточками.

– О, вы из Советского Союза! – обрадовалась Эва Карл, мать двух красавиц. – Это замечательно. В наше время если и можно кому-то доверять, то только советским чиновникам. Вот иранцы обещали нас встретить, а что-то их не видно.

– Опаздывают, как всегда, – сказала старшая сестра, Арзу. – Как будто ты забыла восточные манеры?

Пронину сразу понравилась младшенькая. Сурия смотре-

ла на него смиренно и лукаво. Василич виртуозно отсек из от толпы и вывел на свободное пространство. Там можно было поговорить.

– Я предлагаю вам интересную автомобильную поездку до Тегерана. Ведь вы давненько не были в Иране. Там вам уже приготовлены покои в шахском дворце... А пока предлагаю немного отдохнуть с дороги в местном ресторане.

– С вашей стороны это очень любезно. Предложение принимается, – улыбнулась маменька. Арзу немного надула губки, а Сурия улыбнулась.

– Как вас зовут? – переспросила Эва.

– Пронин. Иван Николаевич Пронин.

Своим багажом они абсолютно не интересовались. По старой вельможной привычке не сомневались, что слуги всё доставят, куда надо. Пронин очаровал их шампанским и веле-речивыми тостами. Понравился им и пышный, свежайший торт с цукатами, который так хорошо было запивать холодным брютом «Клико».

В Тегеран они отправились так: в первом авто – Пронин и Эва, во втором – Арзу и Сурия. После ресторана обе они непрерывно хихикали и подшучивали друг над дружкой, как дети.

– Вот, вернулись дети на родину. На родину своего отца, – сказала Эва Пронину вполне доверительно. – Возможно, найдут здесь свою судьбу... А моя настоящая родина даже не Германия, а Россия. И здесь я задержусь ненадолго.

Может быть, на неделю. Осмотрюсь. Мне нужно убедиться, что моих дочерей здесь принимают достойно. А потом у меня дела в Латинской Америке. Так что мне предстоит долгое плавание...

– Искренне желаю вам благополучного и счастливого морского пути...

– Я опытная путешественница, за меня не волнуйтесь. А вот за Арзу и Сорайю... Вы производите впечатление надежного человека. И вообще я люблю русских... Прошу вас, возьмите их под своё покровительство! Прямо с сегодняшнего дня. Почаще посещайте их во дворце. С вашим положением вы будете туда вхожи. И поглядите, чтобы их не обижали... Хорошо?

– Договорились, – ответил Пронин почти равнодушно, а в душе ликовал. В первые дни в Иране ему откровенно везло. Судьба сдавала ему веские козыри. Теперь нужно было только воспользоваться этой удачей.

Первый выстрел

Нет лучшего способа, чтобы почувствовать дух города и получше узнать древнюю цивилизацию, чем поход на базар и в цирюльню. На следующий день после знакомства с семейством Исфандияри Пронин с утра решился на одинокий променад. Без Альвареса и без посольских. В Москве он иногда брился в парикмахерской, но чаще – самостоятельно, старенькой опасной бритвой «Золинген», которую добыл в качестве трофея ещё в Первую мировую. Она служила ему и в командировках. Но сегодня с утра он только принял ванну – и не побрился. Таким и явился в базарные ряды. Фрукты и овощи его мало интересовали – их и так в Иране повсюду полно. Его привлекали старинные медные лампы и кувшины – на все вкусы, как в восточных сказках. Он немного понаблюдал, как персы торгуются, упоминая риалы и туманы, купил со скуки медную безделушку – небольшое изображение тигра. А потом немного побродил по городу – и нашел цирюльню, старую тегеранскую парикмахерскую. Там пахло паром и чем-то сладким. Цирюльник замахал руками, предлагая Пронину зайти в кабину и занять место на удобном лежаке, который покрыли свежей простыней. Жарковато было в этой цирюльне! Пронин разделся до майки и трусов и лёг. Перс лет сорока принялся ловко натачивать старую бритву – огромную, кривую, как сабля, видимо, местно-

го производства. Чекист невольно подумал: «Одно неверное движение – и конец. Что напишут в газетах? Торговый представитель Совнаркома погиб в тегеранской цирюльне. Хорошая завязка для анекдота». Цирюльник чиркнул спичкой – и заработала его печка, на которой кипятились влажные полотенца, вроде нашенских вафельных. Он стал отпаривать лицо и шею клиента, накладывая на него горячие мокрые полотенца. Пронин почувствовал себя, как в парной, на полке. Пользоваться мылом цирюльник не собирался. Брил на пару и только на пару. Когда клиент, как сказали бы у нас, дошёл до кондиции, иранец начал аккуратно брить Пронину шею, щёки, подбородок... Действовал он спокойно, уверенно. Да и пар делал своё дело. Иван Николаевич не ощущал никакого дискомфорта – как будто его намылили. Цирюльник поставил ему зеркало. Пронин кивнул, мол, всё хорошо. Тогда мастер указал ему на свои волосы – темно-рыжие, аккуратно подкрашенные хной. Пронин замотал головой и громко произнес: «Нет, нет!» И, оставшись седовато-русым, щедро расплатился и вышел на улицу. Замечательно! Он прочувствовал, что такое старый Тегеран, попробовал его на вкус и на запах.

Побродив по Тегерану, он зашел к Эве и её дочерям. Они славно устроились в отдаленных чертогах огромного дворцового комплекса. Гостиная сверкала золотом, три спальни были оформлены в серебряных тонах. Пронин застал Эву за скучным делом: сидя за письменным столом, она разбира-

лась в финансовых счетах, что-то записывая в специальный кондуит. Но обрадовалась визиту русского друга и отбросила это скучное занятие.

– Знаете, Иван Николаевич, я именно вас ждала. А то навалилась рутина. Война... Приходится внимательно подсчитывать расходы. – Ей доставляло ностальгические удовольствия называть его по имени и отчеству – в истинно русском духе.

– Надеюсь, и доходы не переводятся? – шутливо спросил Пронин, усаживаясь в кресло, на которое ему изящным движением руки указала Эва.

Она не стала жаловаться:

– В Аргентине умер мой дядя. Известный инженер-кораблестроитель. Он там сколотил миллионное состояние. Жил одиноко, остались только племянники. Так что кое-что мне причитается, – устроившись на диване, Эва сложила в замочек свои длинные пальцы.

– Да, вы рассказывали, что скоро отправляетесь в долгое морское путешествие. Надеюсь, оно будет благоприятным.

– Ах, Иван Николаевич, я всегда мечтала о настоящем семейном большом доме, а полжизни провела в путешествиях.

– Вы еще так молоды, госпожа Исфандияри. Большой дом – это ваше будущее. Поверьте торговому человеку, мы недурно умеем предсказывать.

– Торговым людям не верю нисколько. А лично вам, Иван Николаевич, верю без оговорок. Вы надежный человек. Я

давно таких не встречала.

– Просто нас с вами многое объединяет. И прежде всего – Россия.

Эва улыбнулась, ее зеленые глаза заискрились.

– Завтра у меня с утра – пресс-конференция, рассказ о советской культурной программе. А ближе к вечеру – иранская премьера русского цирка. Очень хотел бы видеть всех вас на этом представлении...

Ни Сурия, ни Арзу так и не появились в гостиной. Но во время разговора с Эвой Пронин иногда слышал их голоса: девушки азартно «резались» в нарды.

Настал день, когда Пронину пришлось представлять в Тегеране обширную культурную программу, которая вызывала ажиотажный интерес и среди офицеров-союзников. Ведь о русском балете и цирке ходили легенды! Кроме мастеров классического танца, акробатов и джигитов Пронин привез в Иран и программу советских фильмов – и довоенных, и фронтовых. «Чапаев», «Цирк», «Два бойца» – там были фильмы на все вкусы. И даже песни, которые в них звучали, быстро стали популярными в Иране. Их напевали американские офицеры, охранявшие железную дорогу, и чопорные британцы. Их на свой лад пели в ресторанах иранцы, добавляя к советским мелодиям восточные рулады.

Для циркового представления русских гостей по приказу шаха выстроили грандиозную временную арену с ложей для монарха и его приближенных. Советские музыканты

успокаивали слух собравшихся бравурными маршами.

Еще в фойе Пронин встретил троицу Исфандияри. Он приветствовал их с нарочитым почтением. Всем перещеловал руки, низко кланяясь. Громко восхищался их красотой и молодостью, не делая исключения для матери... В буфете угостил их отменным советским лимонадом, а потом усадил на почетное место в первом ряду.

– Здесь вы почувствуете себя прямо на арене. Учтите, будет немного страшно!

У Сурии загорелись глаза.

– И дикие животные будут?

– Несомненно. В одном шаге от вас. Правда, в целях безопасности, во время аттракциона со львами зал отделят от арены железной сеткой.

– В крайнем случае, Сурия распугает всех львов, – сказала Арзу.

Сам Пронин сел на втором ряду, напротив ложи. Рядом с ним оказался подполковник Курпатов – один из самых авторитетных командиров шахской казачьей бригады. Напротив них расположилась Эва с дочерьми. Ну, а шах – конечно, за занавеской, рядом с Эрнстом Пероном – своим давним другом, которые в последние месяцы стал негласным главой иранского правительства. Перон наблюдал за цирковыми номерами почти равнодушно. Иногда даже поглядывал на часы, всем своим видом показывая, что у него есть и более важные дела, но по законам гостеприимства он вынужден при-

существовать и на таких представлениях. Ведь Советский Союз – это не только северный сосед, но и страна, положившая предел завоевательным амбициям германского фюрера...

Основа любого цирка – это конные номера. И джигитовка, которую показали советские наездники, не раз заставила публику охать и рукоплескать. Пару раз поаплодировал даже Курпатов. В конце выступления он достал из кармана флягу, протянул ее Пронину: «Хотите? За знакомство, по-армейски. Я вижу, что вы не только торговый туз... Небось воевал во Вторую Отечественную?» Пронин молча взял флягу, глотнул: «За знакомство!» И только после долгой паузы добавил: «Воевал. В Галиции был». Они разговорились, краем глаза поглядывая на представление.

– Когда-то я тоже так умел. На соревнованиях императорские призы брал. Так что джигитовкой меня не удивишь. Это в России давно культивировали. И казаки, и горцы. Но я рад, что наши традиции не забыты и под красным знаменем...

– Сейчас красное казачество сражается с гитлеровцами... – Пронин пытался прощупать его настроение.

– Я никогда не любил немцев. В отличие от Краснова, в отличие от старшего Пехлеви. Ведь я хорошо знал их обоих. Россия и Германия – два медведя, мы всегда будем царапать друг друга. Немец может стать русским. Но дружбы между нашими странами не будет.

Ирина Бугримова показывала свой уникальный номер со львами. Грозные животные, подчиняясь командам очаро-

вательной женщины, прыгали в горящий обруч.

– А вот такого у нас не было, – сказал Курпатов. – Это действительно советское чудо. Умеете вы удивлять мир. То Чкаловым, то Сталинградом.

– Умеем, – улыбнулся Пронин.

– Вы поглядите на нашего шаха.

– А что такое?

– Я знаю его с детства. Если он так смотрит на женщину – завтра, крайний срок – послезавтра, она будет в его покоях. Или он – в её почивальне. Это неизбежность. Так что, если у Бугримовой имеется муж – какой-нибудь акробат или силач – рекомендую ему поскорее застрелиться.

– Не те времена, господин подполковник. В наше время всё происходит тише и циничнее.

– А вот тут соглашусь. Но насчет шаха и этой укротительницы готов держать пари.

– А я, представьте, и не стану с вами спорить.

Мохаммед – стройный, да еще и затянутый в корсет, выставил на всеобщее обозрение свой массивный перстень с бриллиантом и неотрывно смотрел на Бугримову, слегка приоткрыв рот. Глаза его горели – и, казалось, их лучи пересекаются с лучами, исходящими от перстня. Его спутник – такой же стройный и молодой – поглядывал на своего шаха с иронией. Всё это было отлично видно и Пронину, и Курпатову. А публика даже не смотрела на шаха – почти все были захвачены тем, что выделявали на арене львы Бугримо-

вой. Да и сама дрессировщица производила сильное впечатление. Очаровательная брюнетка с яркими карими глазами явно ощущала себя королевой зверей. Облегающий костюм подчеркивал ее женственную, но крепкую фигуру.

– Вы знаете, Иван Николаевич, лет сорок назад наш есаул говаривал: «Служба – первое дело, бабы – пятое». Наш шахиншах, увы, не следует этому старому казачьему правилу. Склонен к излишествам. В этом смысле он не уступит Александру Македонскому. Да-да, вы правильно меня поняли. Правда, наш шалун не мечтает завоевать весь мир... – грустно рассуждал Курпатов. – А вы мне понравились. Надеюсь видеть вас у себя в любое время. У нас русский стол, сестру мне удалось вывезти из Новочеркасска в 1920-м. Она настоящая мастерица кулинарных дел. Профессор кислых щей, без всякой иронии. Я даже хотел русский ресторан открыть, денег всё никак не соберу. – Он протянул Пронину визитную карточку – там все было указано и на фарси, и на русском.

Пронин ответил тем же: «А у меня тут просторный дом, хотя и временный. Жду вас в гости. У меня есть настоящая «Столичная» из Москвы и чёрный хлеб».

Когда выступления конники ускакали куда-то за пределы цирковой арены – в центре внимания оказались клоуны. Они открывали и завершали программу. Пронин поклонился Курпатову и отправился в кулуары. Он издалека заметил Альвареса. Тот бурно жестикулировал, о чем-то рассказывая

персам из шахской свиты. Пронин с утра отпустил его в свободное плавание – и общительный испанец, видимо, быстро освоился в высших кругах Тегерана. Чуть поодаль от этой компании стоял кряжистый джентльмен в шляпе, в очках, с седыми усами. Он в упор глядел на Пронина. Старый друг? Или недруг? Потом этот человек сделал несколько шагов навстречу Ивану Николаевичу, протянул ему руку:

– Менахем Коэн. В прошлой жизни – Михаил Моисеевич Коган, гражданин свободной Одессы и потомственный купец 3-й гильдии.

– Пронин Иван Николаевич, торговый представитель Совнаркома.

О Коэне он, конечно, слышал – и даже собирался посетить его вечеринку. Миллионер, знаменитый торговец коврами, он способствовал свержению Резы Пехлеви и даже в начале войны выделил 50 тысяч фунтов стерлингов в фонд поддержки Красной армии – сумму, по меркам его бизнеса, достаточно скромную, но все-таки вескую.

– Благодарны вам, Михаил Моисеевич, за поддержку в трудном 41-м году.

– А я всю жизнь буду благодарен Красной Армии. Только вы и научились воевать с Гитлером по-настоящему. А он хочет уничтожить мой род... Готов с вами сотрудничать и в будущем. А сегодня, к 21:00 приглашаю вас в мой дом. Будет большой прием по случаю таки двадцатилетия моего сына и наследника. Увидите все тайны тегеранского двора, – Коэн

подмигнул Пронину. – Соберется компания весьма интернациональная. Как вы, советские, любите.

– Благодарю за приглашение, Михаил Моисеевич, обязательно загляну. Если вы не против – вместе с испанским коллегой.

– Какие могут быть возражения?

Особняк Коэна спрятался среди высоких деревьев, у подножия горы, на окраине Тегерана. Он предпочитал тишину и спокойствие. У ворот в сад к Пронину и Альваресу подбежал один из помощников торгового туза.

– Давно вас ждем. Почти все уже собрались, – сказал он на чистом русском. И они по асфальтированной дороге направились к парадному входу.

– Мистер Пронин! – и Альварес, и Иван Николаевич обернулись на чей-то веселый крик. К ним приближался высокий плечистый человек в клетчатом костюме, с дымящейся трубкой в руке.

– Меня зовут Майкл Дэй. Корреспондент газеты «Дейли телеграф» и, надеюсь, ваш друг по гроб жизни – так ведь говорят русские?

Пронин протянул ему руку.

– Я знал русских еще в Испании! Храбрые парни, настоящие солдаты! И ваши военные журналисты – настоящие солдаты. Когда-нибудь я напишу книгу о подвигах Красной армии, громившей фашистов по всему миру. А сейчас прошу вас о небольшом интервью.

Пронин пожал плечами:

– Я не против, но вряд ли моя персона заинтересует широкую аудиторию вашей газеты.

– Что вы, для нас любой русский – это фигура притягательная, – он с трудом произносил длинные русские слова.

– Тогда прошу – только три вопроса. И краткость ответов с моей стороны.

– С чем вы прибыли в Тегеран? – американец достал блокнот, быстро стал конспектировать ответ Пронина.

– У наших стран вот уже с 1927 года обширные торговые связи. Моя задача – закрепить их при новом шахе. И я надеюсь, несмотря на войну, дело у нас пойдет энергично. Ведь мы смотрим в будущее! Нефть, шерсть, хлеб – это вечные ценности. Есть у нас идея и больших совместных строительных проектов. Военного и гражданского назначения.

– Сколько продлится война после Сталинграда?

– Думаю, через год вы вытесним врага за пределы Советского Союза. А еще через полгода встретимся с союзниками в Берлине. Но Третий Рейх – опасный и жестокий противник. В этой войне ни на минуту нельзя преувеличивать свои силы. И вообще предсказывать будущее можно только с большой долей условности.

Американец энергично закивал.

– И третий, пока последний вопрос. Как вы оцениваете перспективы антигитлеровской коалиции. Вас не смущает, что в наших странах – различный социальный строй?

– Я уверен, что и наши руководители, и наши военные в годы испытаний научились находить общий язык. У нас есть общий враг. Враг всего человечества. На сегодняшний день это – главное.

Пока они беседовали, Альварес уже раскланялся с Коэном, выпил бокал вина за здоровье его сына и включился в шумный разговор молодых иранских купцов.

Публика в доме магната собралась действительно блистательная. Вся военная и деловая элита Тегерана, представители Британии, Штатов и Советского Союза, какие-то персоны в национальных персидских костюмах...

Сразу было видно, что Иран – страна светская. Дам на приеме оказалось немного, но они участвовали в фуршете наравне с мужчинами. Альварес быстро подошел к Пронину:

– С вами хотят познакомиться. По-моему, это важно.

Он с улыбкой подвел Пронина к статной женщине лет тридцати, в лице которой сразу угадывались шахские черты. Вокруг нее толпилась свита – две дамы и четверо офицеров.

– Иван Николаевич Пронин, торговый представитель Совнаркома.

Пронин поклонился.

– Ее высочество Шамс Пехлеви, – представил даму один из ее приближенных.

«Старшая сестра!» – шепнул Альварес Пронину, как будто чекист сам не знал, кто есть кто в шахской семье.

– Я рада поднять бокал за дружбу двух великих народов –

русского и иранского! Наши народы не раз воевали, но всегда уважали друг друга.

– Мы всегда были и останемся неплохими соседями. И торговли в нашей истории было гораздо больше, чем кровопролития, – продолжил Пронин, поднимая бокал.

Принцесса улыбнулась. Она отлично понимала по-русски. Пронин улыбнулся в ответ. Шамс сделала несколько шагов ему навстречу и добавила доверительным тоном:

– У нас не любят англичан. Они ведут себя на Востоке как колонизаторы. Американцы вообще ничего не понимают в наших делах. Вы, русские, другое дело. Мы по-разному смотрим на вопросы религии и политики, но у нас есть душа. Это объединяет. Я уверена, пока мой брат на шахском троне, наши народы никогда не будут враждовать. И желаю успеха вашей миссии.

– Мой успех в Иране целиком зависит от планов вашей семьи, – ответил Пронин, подыскивая галантные слова.

– Они вас не разочаруют. Не забывайте: мы все говорим по-русски гораздо чаще, чем по-английски.

Иван Николаевич, конечно, заметил, что за их беседой следят – без преувеличения тысячи глаз. И его статус в глазах персидской элиты сейчас вырос почти, как репутация Красной армии после окружения Паулюса в Сталинграде.

К нему сразу подбежал знакомиться маститый тегеранский купец в элегантном европейском костюме.

Принцесса отплыла куда-то вглубь зала.

На небольшой эстраде играл еврейский ансамбль. Вдруг песня прервалась. К микрофону подошел сам Коэн с бокалом в руке:

– За моего сына! За расцвет нашего дела в Иране и по всему миру! За мир в этой древней, прекрасной стране! И за полный крах Гитлера! Если выпьем до дна – всё это сбудется, господа!

Многие, в том числе Пронин, высоко подняли свои бокалы и поддержали тост хозяина.

Но гостей было слишком много, чтобы все следовали одной программе. Прием уже перешел в хаотическую стадию. Оркестр принялся начал играть залихватские мелодии – но их почти не было слышно, так темпераментно общались гости Коэна.

Пронин проглотил тарталетку с черной икрой – традиционное угощение здешних мест. И тут его спасло натренированное чутье. Опыт старого солдата. Он вовремя присел – прямо с бокалом в руке – и выстрел пролетел над ним. Тут же упал замертво официант, державший блюдо с тарталетками. Пронин выхватил взглядом стрелка. Его уже схватили охранники. Явно перс, скорее всего штатский.

К Пронину тут же подошел важный, насупленный полковник полиции – главный сыскарь Тегерана.

– Господин Пронин, приносим наши извинения за столь позорный инцидент. Заверяю вас, что расследование пройдет объективно и при участии советской стороны. Его мы

казним. А тех, кто стоит за ним, если такие найдутся – выведем на чистую воду. Гарантирую вам это как нашему высокому гостю.

Сзади Пронина обнял Коэн:

– Вас не задели? Ах, какой стыд. Какой ужас и позор на мои седины.

– Война, Михаил Моисеевич.

– Да, война. Но не в моем же доме? Какие дикари! Простите меня. А в знак моего почтения прошу принять вот этот старинный персидский ковер из коллекции недавно умершего шахского генерала, – Коэн щелкнул пальцами, и его помощники поднесли к Пронину это чудо рукотворного искусства.

Про официанта никто и не вспоминал. Его тут же унесли в сад. Кровь вытерли с паркета. Фельдшер констатировал смерть. Никто не принес соболезнований его родственникам... Восток есть Восток, кастовость здесь царит не только в Индии.

К Пронину подлетели Эва, Арзу и Сурия – легкие, празднично одетые, сверкающие бриллиантами.

– Вы не ранены? – спросила Эва, заглядывая ему в глаза как врач. – Вам нужна немедленная помощь!

– Спасибо, мне уже помогли.

Пронин быстро пришёл в себя и затеял с Эвой вполне светский, ни к чему не обязывающий разговор. Поздним вечером в доме Коэна ожидали самого шаха – и тут уж не сто-

ило медлить. Нужно было представлять «товар лицом». Две его пташки уже о чем-то весело щебетали со своими помощниками: они пока еще стеснялись новых знакомых и держались скромно, в сторонке. Хотя гостеприимный старик Коэн, обходивший с бокалом шампанского всех гостей, раза два подходил к ним и пытался затеять разговор. Они скромничали: младшая дочь известного персидского дипломата Халила Исфандияри Сурия и старшая – Арзу. Обе они были настоящими красавицами – сплав иранской и немецкой крови придавал им тонкое очарование. Правда, Сурия казалась еще немного по-детски угловатой. А Арзу просто можно было снимать в любом голливудском фильме в роли дивы. Успех был бы гарантирован – даже если бы она просто молча стояла в кадре.

Они долго жили в Европе и не были представлены молодому шаху... Зато их обеих с раннего детства знал его отец – могущественный Реза Пехлеви. Наверняка Мохаммед время от времени проявлял интерес к их персонам: такие невесты всегда на особом счету.

Вот уже появились офицеры шахской охраны – в белых мундирах, с золотыми аксельбантами. Тут были и казаки, любимцы семейства Пехлеви, и представители старой персидской гвардии.

Быстрыми шагами в зал вошёл шах в сопровождении седовласого грузного генерала. Все застыли в низком поклоне. Поклонился и Пронин: традиции приходится чтить, даже

когда они непривычны. Хотя и у нас до 1917 года всё это было... Когда шах в ответ приветственно поднял руку – к нему резво подскочил Коэн.

– Рад приветствовать ваше величество!

– Здравствуйте, господин Коэн, – шах вальяжно улыбнулся. Генерал тоже поприветствовал торговца.

– Спасибо, что почтили мой скромный праздник.

– В моей семье принято ценить старых друзей. А вы сделали много полезного для Ирана. Это не забывается. Я же знаю, кто у нас платит самые большие налоги, кто, как меценат, бескорыстно заботится о музеях и дает взносы в фонд нашей армии. Вы создали себе репутацию благими делами.

Коэн снова поклонился, но уже не столь низко.

– Моему сыну сегодня исполнилось двадцать лет. Я был бы счастлив, если бы вы сказали ему напутственное слово. Он запомнит его на всю жизнь.

Сынок оказался под боком у отца. Шах обнял его, поцеловал в лоб. Потом достал из кармана бархатную коробочку – и протянул её молодому Коэну:

– Это твой первый юбилей, запомни его надолго. Иди дорогой отца. В этом будет залог твоего успеха. И всегда можешь рассчитывать на помощь моего правительства. Наша страна многим обязана свободной торговле. Религиозные предрассудки прошлого для нас не столь важны...

– Я благодарен вам и за это, ваше величество. Вы за считанные недели превратили Иран в истинно европейскую

страну.

Мохаммед улыбнулся:

– Да, Европа сама пришла к нам. Вроде бы это были непрошенные гости – а оказались желанными. И они спасут нашу страну от разорения и поражения, в которое втянул бы нас союз с Германией. Ведь этот Гитлер... Он просто безумен!

И тут Коэн понял, что может быть полезен советскому го-
стю.

– Вы уже знакомы с господином Прониным? У него, кажется, есть какой-то сюрприз для вас.

– Советский торговый представитель? Да, мне докладывали.

Коэн подвел шаха к Пронину, который уже стоял наготове, в окружении двух сестер.

– Господин Пронин! Очень рад вас видеть! В нашей стране сейчас немало советских офицеров и дипломатов, но о вас мне рассказывали как о необыкновенном человеке. Вы ведь хорошо знаете советский Восток...

– О, да, ваше величество. И я счастлив познакомиться с жемчужиной Востока – с вашей славной столицей.

– Вижу, что у вас хорошие гиды, – шах открыто и, по восточным меркам даже нахально, рассматривал Арзу. – И прошу вас представить меня им.

– Их величество, шах Ирана Мохаммед-Реза Пехлеви, могущественный монарх, большой друг и союзник Советского

Союза!

– Всё точно, – Мохаммед улыбнулся.

– А это дочери верного слуги вашего величества, Халила Исфандияри. Он сейчас трудится на благо Ирана в Швейцарии, а я рад представить вам его дочерей. Это красавица Арзу. А это юная Сурия.

Девушки поклонились – по-европейски кокетливо. Сразу видно было, что они учились в Германии и Швейцарии...

– Я очень люблю Швейцарию. Тоже учился там. Замечательная страна. Там все идеально – начиная с часов и заканчивая действиями полиции. Нам многое нужно у них перенять, не так ли?

Сурия бойко заговорила:

– А мне там было скучно. Слишком уж всё предсказуемо, по порядку. Маловато безумия! А без него, на мой взгляд, жизнь пресна.

– Bravo! – сказал шах. Улыбнулся и пошел приветствовать других гостей. На Сурию он, кажется, даже не поглядел. А, может быть, наоборот, боялся обнаружить свой интерес к ней?

Про выстрел и арест террориста шаху сообщать не стали: к чему омрачать праздник? Но его охранники всё уже вывели у прислуги Коэна. Лица офицеров помрачнели. Так заканчивался праздник. Уже глубокой ночью Коэн устроил роскошный фейерверк в саду. Пронин постарался встать рядом с шахом, тихонько подталкивая к нему сестричек. В кон-

це концов шах подхватил Арзу, и они вдвоем, рядышком сели на скамейку. Никто не решался беспокоить монарха в эти минуты. Охранники стояли поодаль. Да и Пронин не досаждал молодому шаху своим близким присутствием...

Даже издалека торговый представитель Совнаркома заметил, что Пехлеви и Арзу весело смеются, обсуждая это зрелище. Когда подали мясо, старшая сестрёнка снова оказалась рядом с шахом. Он торжественно подцепил вилкой из жаркого огромную кость и сказал:

– Мозговая! Мой отец всегда говорил: «Ешь мозговую кость – станешь умнее. И зубы будут крепче, и мысли мудрее.

Арзу кокетливо засмеялась.

Операция начиналась вполне благополучно... Может быть, даже слишком благополучно. Пронин даже почти забыл о шальном выстреле, который мог поставить точку в его жизни. К нему подошла Эва.

– Шах нагловат, не правда ли? Я слышала, что он уже прислал несколько букетов этой вашей укротительнице. Но поселили нас неплохо. По крайней мере не как бедных родственников. Но я надеюсь на вас. Помните наш договор?

– Горжусь вашим доверием.

Профессор Балабанов

Пронин познакомился с ним вскоре после приема у Коэнов. Этой яркой фигуре он отводил важную роль в своей игре.

Много лет – еще с 1906 года – жил да поживал в Иране профессор Игорь Сергеевич Балабанов. Так бывает: пришлый человек, русский исследователь, он знал персидские древности лучше придворных историков и летописцев. Он был лучшим знатоком Востока в Петербургском университете. С восемнадцати лет в совершенстве знал фарси, общался с персами – благо работа отца, чиновника Министерства иностранных дел, давала такую возможность. Помимо эпохи Ахеменидов он интересовался марксизмом. Слегка. Не так глубоко, как Дарием и Ксерксом. Но этого оказалось достаточно, чтобы после 1905 года в Российской империи ему стало неуютно. Он симпатизировал социалистам, а в стране после баррикадных боев первенство взяли черносотенцы. Балабанов напросился в длительную экспедицию под Тебриз. Да так и остался в Персии. После октября 1917 года он послал в Петербург телеграмму, в которой поздравлял Ленина и всё человечество с пролетарской революцией. Вскоре официально он стал гражданином СССР. Но возвращаться на Родину не торопился: слишком много дел было в Иране. Шах Реза Пехлеви познакомился с ним, когда был еще про-

сто Реза-ханом. Балабанов познакомил его со своей коллекцией археологических находок. И будущий шах признался ему, что хотел бы вернуть Персии древнее могущество.

«Мы совсем забыли про великих предков! Я, конечно, мусульманин, но ислам стирает образы национальной истории... Как будто всё началось только с арабов, только с пророка Мохаммеда. Нам необходима идеология, которая заставит иранцев вспомнить о своих корнях. Только такая идеология может сплотить моих вялых соотечественников. А иначе мы просто станем нефтяной колонией англичан или русских». Балабанов покачивал седоватой головой – и хану показалось, что ученый с ним согласен.

Поэтому, когда он достиг власти – тут же приблизил к себе русского историка. Балабанов пообещал создать ему легенду – вполне правдивую – о великом прошлом Персидской империи. Он описал для шаха десять ключевых сюжетов из истории персов – и Реза часто обращался к ним в своих речах. Кроме того, именно Балабанов посоветовал «иранскому Бонапарту» взять имя древней парфянской династии Карен-Пехлевидов. Этот славный род служил еще Ахеменидам, а потом его отпрыски царствовали и в Иране, и в Армении, и в Грузии. Балабанов с легкостью доказал, что отец новоявленного шаха – воинственный Аббас Али-хан – был потомком этой династии. Взамен шах назначил его смотрителем своих исторических коллекций, полностью оплатил исследования ученого на 10 лет вперед и выделил для него уют-

ный дом в центре Тегерана.

...В Тегеране много лет работал глубоко законспирированный советский агент – торговец средней руки Абти-ходжа. Его настоящее имя – Альберт Торосян – было известно немногим. Берия считал его одним из самых надежных наших разведчиков в Иране. Прежде чем отправиться к Балабанову, Пронин обязан был подстраховаться и нанести визит Торосяну.

Абти-ходжа каждый вторник с часу дня и до вечера заседал в кофейне, адрес которой Пронин запомнил еще в Москве. Он сразу узнал его, увидев за столиком, по тонким щеголеватым усикам на худощавом загорелом лице и постоянной кривой усмешке. Подсел. Как принято на Востоке, поздоровался. Абти-ходжа, опустив на нос очки в золотой оправе, кивнул в ответ.

– Вам не кажется, что наши английские гости не остановятся в Иране? Советские войска могут пропустить их и в Грузию, до самого Тбилиси.

– Союзники, как-никак. Вот сколько дел наворотил проклятый Адольф! – четко сказал Торосян слова отзыва и оценивающе оглядел Пронина с головы до ног. – Впервые в Персии?

– Так точно. Торговый представитель Совнаркома.

– А, знаменитый Пронин. Я уже слышал о вас. Но не знал, что вы окажетесь моим коллегой не только по части торговли. У меня есть интересный товар для советских жен-

щин. Заколки для волос! Щипцы для завивки! Всё сработано в шикарном восточном стиле. Есть даже с полудрагоценными камнями. Скоро победа. Надо украшать жизнь ваших женщин. Им многое пришлось перенести. А радости было мало...

– Эти вопросы мы с вами еще обсудим. Я непременно куплю у вас партию заколок.

– И щипцов.

– Может быть, и щипцов. Но сейчас у меня для вас всего лишь один вопрос и не самый трудный. Вам известен Игорь Сергеевич Балабанов?

– Кто же в Тегеране не знает почтенного историка? Разве что невежды да зеленая молодежь.

– Могу я к нему обратиться? И даже слегка. Подчеркиваю – слегка перед ним открыться?

Торосян нахмурил лоб:

– Вы можете вполне доверять Балабанову. Он не забыл, что он русский. А во-вторых – симпатизирует Советскому Союзу, хотя и не был в нашей стране ни дня. Он может быть вам полезен. А к кофе я предпочитаю цукаты. Угощайтесь.

Торосян подлил Пронину из почерневшего серебряного кофейника.

– Но я вас должен предупредить, – сказал Абти-ходжа, – Что в последние годы у профессора появилась странная лаборантка. Я бы сказал, фаворитка. Она живет у него. Говорят, он завещал ей все свое имущество – и дом, и коллекции.

– Кто она?

– То ли француженка, то ли англичанка. Не знаю, каким ветром её сюда занесло. Но в друзья Советского Союза её записывать не стоит. Он называет ее «моя Аннет».

– А Балабанова можно считать нашим другом? – Пронин глотнул крепкого кофе и даже закрыл глаза от наслаждения.

– Тут всё сложнее. Но вы должны увидеть его сами... Но и у русских, и у армян есть поговорка – «В картишки нет бра-тишки».

Что ж, теперь путь торгового агента лежал в дом профессора Балабанова.

Деревянная калитка – совсем как в России. Колокольчик. Пронин принялся звонить. Помощница Балабанова впустила его в сад. Высокая, сухопарая. Рыжеватые волосы. Глаза синие, умные, с хитринкой.

– Торговый представитель Совнаркома Иван Николаевич Пронин, – он передал ей визитную карточку.

– Я дам знать Игорю Сергеевичу. С утра ему нездоровилось... – ответила она безо всякого интереса к русскому гостю. Пронин даже удивился: за эти дни он успел привыкнуть ко всеобщему экзальтированному вниманию.

Минуты три спустя на крыльцо вышел сам Балабанов. Он замахал Пронину сразу двумя руками:

– А ну-ка в дом, в дом. У меня уже силы не те – у калитки вас встречать.

Они расположились в кабинете ученого, уставленном ста-

ринными книгами и всяческими редкостями, от которых Пронин не отрывал глаз. Старик разглядывал гостя светло-голубыми узковатыми глазами.

– Нравятся? Это всё пустяки. Главное хранится в шахской коллекции. Там целая экспозиция моих находок. Но скажите – почему Совнарком заинтересовался моей персоной? Зовут домой?

– А вы не соскучились по Родине?

– А я уже не знаю, где моя Родина. Наверное, в моих книгах, которые, я уверен, будут напечатаны и в СССР!

– Не сомневаюсь в этом! – горячо сказал Пронин. Старику это сразу понравилось, он оживился.

– Я написал историю государства Ахеменидов. Историю древнеперсидского эпоса. На это ушло почти 40 лет. Сейчас мне 68. Я запланировал себе еще четыре года работы. Здесь, в Иране. Нужно закончить исследование о древнеиранской религиозной системе. Как вы думаете, я успею?

– Уверен, Игорь Сергеевич, уверен, что успеете.

– Вы оптимист, – старик захохотал, как студент – залиvisto и дерзко. – Так что же, даете мне еще поработать в Иране? Страна вроде бы дружественная, судя по обилию советских офицеров...

– Один из них перед вами, профессор.

– Ух ты, какое признание! Доверяете? Или считаете, что я уже не гожусь даже на хороший донос?

– Сейчас война, мы все в какой-то степени офицеры. Даже

те, кто вынужден заниматься торговлей. А я, Иван Николаевич Пронин, доверяю вам, выдающемуся русскому ученому, советскому патриоту. И веселому человеку!

– Интересная логика! И как вы хотите, так сказать, применять наше знакомство? Погони, перестрелки... В юности я неплохо стрелял. И даже из лука! Каких только опытов не было, мой молодой друг.

– А вы могли бы ввести меня в окружение молодого шаха? Кто в его семье может быть полезен для Советского Союза?

Старик приподнялся. Поправил галстук. Потом снова сел, обдумывая вопрос Пронина.

– Вы знакомы с шахиней Тадж ол-Молук?

– С матерью молодого шаха?

– Да. Но она, мой друг, не из его партии. Шахиня всегда играла серьезную роль в иранской политике. Открою вам тайну. Сегодня она хотела бы сменить шаха на своего младшего сына – Али-Резу. Она сделала ставку именно на него. Прошу учитывать это.

– Странно. Ведь частая смена шахов может привести к народной смуте. Столь опытная дама должна это понимать.

– Она всё понимает, но у неё есть веская причина. Вы знаете, что шах любвеобилен?

– Кое-что нам об этом известно.

– А то, что в сферу его интересов входят не только существа прекрасного пола, в Москве учли? Есть у него ближайший советник и дружок еще со времен учебы в Швейцарии –

по фамилии Перон. Он сейчас у нас второй человек в государстве. Правда, государство рассыпается, Иран практически оккупирован... Но дело не в этом. Моя Аннет иногда общается с этим Пероном. По ее мнению, он просто циник.

Конечно, информация о душевном друге шаха в Москве имелась, но этот эпизод считали мелким увлечением неумного восточного Казановы. К тому же никаких подтверждений их гомосексуальной связи ни у НКВД, ни у военной разведки не имелось...

– Тадж ол-Молук – женщина строгих правил и таких шалостей не прощает. Шах-урнинг – для нее это просто оскорбление. И тут уж не до материнских чувств. Прошу иметь это в виду при общении с прекрасной шахиней.

– Вы сдали мне козырную карту, профессор.

– Да-да, вы правильно меня поняли. Завтра пришлите ко мне своего человека – и я дам знать, когда мы посетим дворец Тадж ол-Молук. А пока можете пошарить по моим полкам. Я вижу, вам не терпится потрогать многие вещицы.

И Пронин посвятил целый час изучению домашних реликвий профессора.

Резиденция матери правящего шахиншаха располагалась в небольшом дворце эффектной архитектуры – с ломаными линиями и цветными изразцами. Скорее всего, этот корпус был построен сравнительно недавно – лет 30–40 назад, в модном тогда стиле модерн. В Москве немало таких особнячков построил архитектор Фёдор Шехтель – для тогдаш-

них миллионеров. Сейчас в них располагались райкомы, дома пионеров и дома приемов наркомата иностранных дел...

На пороге Пронина встретила немолодая служанка, по-европейски слегка поклонилась ему и повела за собой.

Шахиня предстала перед русским торговым представителем во всей красе. Её розоватому платью позавидовали бы жены французских банкиров... А таких бриллиантов у них и вовсе, скорее всего, не было. С очаровательной улыбкой она предложила Пронину одно из кресел возле камина, который, конечно, не топили. Сама села рядом – в такое же.

– А я ждала вас, господин Пронин.

– Именно меня? Я польщен, ваше величество.

– Как только узнала, что к нам приехал большой человек из Москвы, я мечтала поговорить с ним... И не только о политике.

– Не о политике – это лучше всего. Моя стихия – торговля, – ответил Пронин несколько легкомысленным тоном.

– Обещаю вам рассказать о наших персидских коврах всё, без утайки. К тому же мы могли бы организовать кондитерскую фабрику. У вас, в СССР, я слышал, эта отрасль развивается. Даже в годы войны. А у нас всё делается по старинке, вручную...

– Поможем. Оснастим. Это не проблема. Кстати, у меня для вас есть несколько сувениров из России. Их вам доставит мой помощник.

– Заранее благодарна. Они напомнят мне о вашей стра-

не...

– Понимаю, что вы привыкли к комплиментам, ваше величество. Но не могу не сказать: вы прекрасно говорите по-русски. Любо-дорого слушать!

Шахиня ответствовала горделиво:

– Я родилась в Баку, в Российской империи. В детстве мне читали сказки Пушкина. И я их до сих пор помню. «В царство славного Салтана...»

– Вы азербайджанка?

Шахиня улыбнулась:

– У нас на Востоке всё так перепутано... Считайте, что азербайджанка. По крайней мере я была подданной Российской империи. И горжусь этим. Это был – да, наверное, и сегодня остался – большой европейский город. Там строились вот такие дома, как этот. Там, несмотря на устои ислама, женщины не скрывали своих лиц. И я, именно я, убедила мужа специальным законом запретить ношение чадры. Вы понимаете, как это было непросто?

– Мы, советские люди, ценим это. У нас тоже соблюдается свобода вероисповедания, но никто не соблюдает диких пережитков старины... Чадры в эпоху телефонов и «катюш» – это просто смешно.

– «Катюш»? – шахиня не поняла Пронина. – Это вы о чём?

– Так называется наше современное оружие – система реактивной артиллерии, которая наводит ужас на немцев.

– Понимаю. Я уверена, что Красная армия возьмет Бер-

лин. И рада этому. Кстати, имейте в виду. Хотя север Ирана – это, по существу, продолжение Азербайджана, у нас все понимают, что воевать с Россией бесполезно. Поверьте, в ближайшие 100 лет войн между нашими странами не будет. А Гитлер всегда казался мне каким-то безумцем. Эти крики, эти усики... Чаплин хорошо его высмеял в своем фильме! Мой муж придерживался на этот счет другого мнения... Персы – арийцы. Гитлер что-то там говорил об истинных арийцах. Реза видел в нем союзника. Он опасался англичан. И... вас, русских. Думаю, он ошибался. Когда политик остается у власти слишком долго – он начинает делать неудачные ставки. Это неизбежно. Даже наш великий Дарий умер, так и не подавив восстание в Египте. А Перикл? Величайший политик Эллады? Он же проиграл Спарте и умер, когда его государство теряло силу... Да, господин Пронин, я знаю историю. Не так, чтобы очень глубоко, но три-четыре книги прочитала. Неплохо для женщины, не так ли?

– В нашей стране женщины уравнены с мужчинами. Есть женщины – академики, директора фабрик, знаменитые писательницы... Александра Коллонтай – наша посол в Стокгольме...

– Я знаю, знаю, простите мне мою иронию. Я же слышала о вашем замечательном цирковом представлении и видела, что в вашей стране женщины даже львов дрессируют, не то что мужчин! Я просто хотела сказать, что моего мужа удалили вовремя. Он больше не мог править. Для Ирана это свер-

жение пошло на пользу. Иначе бы нас со временем наголову разгромили вместе с Германией...

– Отдаю должное вашей глубокой проницательности. И поверьте – без грана иронии, – произнес Пронин действительно серьёзным тоном.

– Но у меня есть не только старший сын... Англичане ошиблись, поставив на Мохаммеда. Али-Реза – моему младшему сыну скоро исполнится 22 года. Говорю вам не как мать, а как женщина, немало повидавшая на своем веку. Он способнее старшего. Мохаммед – раб своих пристрастий. Говоря по-русски – лоботряс. А Али-Реза – отличный математик, у него аналитический ум. И он лучше, чем Мохаммед, понимает, что только дружба с Советским Союзом гарантирует нашей стране безопасность.

– Вот если бы я был представителем наркоминдела... – Пронин расплылся в лукавой улыбке.

– А я не прошу вас совершить переворот. Хотя вижу, по глазам вижу, что вы и на это способны, несмотря на свое торговое призвание. Я прошу о другом. Сейчас я и мои друзья приложат усилия, чтобы шахом стал Али-Реза. Но мы можем проиграть. И тогда Мохаммед может обойтись с братом жестоко. По-восточному беспощадно. Вы могли бы стать гарантом жизни и свободы моего младшего сына в любой ситуации? Думаю, он мог бы даже переселиться в Баку. Или на север Ирана – под защиту ваших войск.

– Я не уполномочен сходу принимать такие решения, ва-

ше величество. Но я посоветую моему руководству предоставить вам такие гарантии. И с удовольствием исполню роль посредника в этом благородном деле.

Подали кофе. Шахиня первая отпила из позолоченной чашечки. Пронин тоже сделал первый – осторожный – глоток.

– Вы имеете в виду руководство наркомата внешней торговли? – спросила она с улыбкой.

– Я представитель Совнаркома. А руководит Совнаркомом Сталин.

При упоминании советского вождя глаза шахини потеплели.

– Тогда прошу вас – передайте ему от меня лично пожелания доброго здоровья, которое так необходимо в годы войны. И новых побед на всех фронтах! Я всегда почему-то чувствовала какое-то родство с этим человеком...

– Заверяю вас, что эти слова будут доведены до товарища Сталина. А теперь я рискну задать вам вопрос.

– С удовольствием вас выслушаю, – шахиня удивленно на него посмотрела.

– Мы хотели бы женить шаха.

– Кто это – мы?

– Представители Совнаркома. Я не случайно привез в Тегеран сестер Исфандияри...

– Вы спрашиваете моего благословения? Да я буду счастлива, если Мохаммед станет хорошим мужем. С египтянкой ему не повезло... А, может быть, ей с ним. Исфандияри –

известный род. Возможно, одна из сестер окажется достойной женой для Мохаммеда... Но его дружба с этим швейцарцем... Я даже не хочу называть его по имени.

Майор Пронин в Тегеране

– Вы увидите, ваше величество, что сестры интересуют его гораздо сильнее, чем этот Перон.

Когда подали фрукты, Пронин неожиданно спросил шахиню:

– А где сейчас ваш сын Али-Реза?

Она помрачнела:

– Он на Маврикии, сопровождает отца. Но я каждый день держу с ним связь. В нужный момент он вернется в Иран.

– И у вас достаточно верных людей?

– О, вы явно хотели бы присоединиться к заговору!

Пронин рассмеялся:

– С вами – готов присоединиться к любой авантюре. Особенно если вы раскроете мне тайны персидских ковров.

Пронин дипломатично улыбнулся.

Когда Тадж ол-Молук в сопровождении слуг провожала его в саду, Пронин сказал ей доверительно:

– Нам очень приятно, что вы слышали о цирковом представлении советских мастеров этого замечательного искусства. Но уверяю вас, что наши балетные артисты не меньшие чудесники своего искусства. Это настоящее чудо! Завтра концерт. Очень надеюсь видеть вас!

Шахиня ответила полупоклоном – и помощницы почтительно отвели ее домой.

Курдский вопрос

На балетный концерт Тадж ол-Молук не пришла. Прислала только своих помощниц с роскошными букетами. Звездой небольшой труппы, приехавшей в Тегеран, несомненно, была Галина Уланова. Воздушная, таинственная балерина с неповторимой грацией. За несколько минут на сцене она создавала образ с привкусом любви и грусти... Чтобы не перегружать иранцев непривычными для них балетными драматическими коллизиями, давали «Шопениану». Музыка великого поляка никого не оставила равнодушным – и постепенно все зрители втянулись в мир балета, который создавала на сцене Уланова...

Шах бурно аплодировал, восхищался. Но в его ложе властно расположилась Бугримова... И он время от времени обнимал ее за плечи. Балерины в пикантном смысле его не заинтересовали. Но из любви к высокому искусству он подарил Улановой старинный кулон, а всем остальным танцовщицам – по отрезу на платье. В цветах недостатка тоже не было.

После представления Пронин подошел к шаху:

– Видел, как вы аплодировали, как вы тонко понимаете балетное искусство...

– Я покорен вашей «Шопенианой». Если бы можно было навсегда оставить эту труппу в Тегеране.

Пронин улыбнулся:

– Через неделю их ждет Пермь, а потом – Москва, Большой театр. Надеюсь когда-нибудь увидеть и вас в его царской ложе!

– Непременно, господин Пронин! Простите, товарищ Пронин...

Прошла первая иранская неделя Пронина. Он быстро освоился в иранской столице. Каждый день заезжал к господам Исфандияри, рассказывал им и о торговых делах, и о войне, вёл светские беседы, угощал их в лучших ресторанах Тегерана, произносил длинные тосты... Эва часто расспрашивала его про Россию. Пока она беседовала с Прониным – дочери помалкивали. Только перемигивались и иногда перебрасывались улыбками. А старшие разговаривали на серьёзные темы.

– У вас ведь и сейчас живут немцы? Каково им?

Пронин вздохнул:

– Трудно. Но в Первую мировую было ещё труднее – помните, какие были тогда антинемецкие демонстрации, чуть ли не погромы. И Петербург переименовали в Петроград. Но десятки тысяч русских немцев сражаются в Красной армии и трудятся в тылу. Быть может, на них пока ещё косо смотрят. Но я уверен, скоро это сгладится.

– Я каждый день молюсь об этом. Вы бывали в Петербурге?

– Ну, конечно. Бываю в Ленинграде каждый год. А раньше

даже жил там.

– И как там? Город сильно пострадал после революции? Ведь тогда, как я слышала, матросы из пушек палили по Зимнему дворцу.

– Город страдает сейчас. От блокады. Это трагедия, о которой мне не хотелось бы говорить в застольном разговоре... Но мы победим, и Ленинград возродится. Приезжайте туда после войны! Увидите и Медного всадника, и Эрмитаж, и Русский музей, и Мраморный дворец, и Смольный... Мы всё сохранили.

– Это приглашение?

– Конечно! Моя визитная карточка у вас есть, звоните в любое время дня и ночи. Буду не просто рад, а счастлив стать вашим гидом в Ленинграде. И в Москве, если захотите. Можно совершить и путешествие по Волге – в Саратов, Энгельс. Немецкие места России!

– Я легка на подъём. Приеду. Вот сейчас собираюсь в Аргентину. Я там получила небольшое наследство от одного дальнего родственника. Нужно вступать в права... Завтра отплываем.

– Жаль. Теряю интересную и очаровательную собеседницу.

– Будем переписываться. Ведь я поручаю вам самое дорогое, что у меня есть – дочерей. Шах – ловелас. А получается, что он выбирает невесту... Только такой опытный человек, как вы, в такой ситуации может удержать в руках штурвал.

Чтобы не разбиться о рифы. Вы настоящий дипломат и царедворец – в хорошем смысле слова.

– Благодарю вас за доверие и постараюсь не подвести. Надеюсь, девицы-красавицы не против?

– Да мы бы без вас и до Тегерана не добрались, – сказала Арзу. – Вы для нас как добрый дух.

Но госпожа Эва спешно готовилась к дальней дороге, и они распрощались, а Пронин пешочком направился к Балабанову. Нужно было провести и снова разговорить старика. Аннет отсутствовала – порхала по Тегерану с деловыми визитами. И они беседовали по-холостячки.

За чаем он спросил у профессора:

– А что вы думаете насчёт курдов? Почему этому народу никогда не удавалось создать свою государственность?

Тот, как опытный лектор, сразу принялся отвечать – как будто у него были заготовлены шпаргалки на все вероятные вопросы:

– Народ несчастной судьбы. Такое бывает. Они всегда считались хорошими воинами. Храбро сражались в том числе и в персидской гвардии. Да и в османских войсках. Хотя ненавидели турок. Кстати, их происхождение до сих пор не установлено. Сами они любят считать себя потомками кортиев – древнейшего племенного союза, который населял Месопотамию и Иранскую равнину. Веками они сосуществовали с армянами, персами и ассирийцами. А потом... Потом нагрянули арабы, всех подчинявшие своей силе и об-

ращавшие в свою веру. А вслед за ними и турки. Большинство курдов – они еще называют себя великими кордами – приняли ислам, подчинившись насилию. И потеряли своё своеобразие. Все-таки они природные езиды – это ветвь зороастризма с большим христианским влиянием. Они неплохие строители, отчасти земледельцы, но больше любят заниматься строительством и ремёслами.

Пронин понял, что профессор может говорить на эту тему часами и, улучив удобную паузу, почти вежливо перебил его:

– Турки многим испортили судьбу. Но почему всё-таки курдам не удалось основать свой Курдистан? Ведь у них было немало времени – века!

– Так это вы, большевики, любите всем давать государственность – Таджикистан, Киргизия... В рамках партийного централизма, разумеется... А история – дама более суровая. Сражения за место под солнцем выигрывают не все. Но, если говорить об их национальном характере, – они народ не государственный. Они скорее мафия, чем государство. Как евреи. Только попримитивнее. Извините. Но чем-то они мне одесских евреев напоминали. Тех, которые с Мишкой Япончиком орудовали. Скажите, я не позволил себе ничего лишнего?

– Ничего, ничего. Со мной можно быть откровенным, – Пронин улыбнулся в усы.

И Балабанов продолжил с прежним рвением:

– Курды – лидеры преступного мира в Иране. Издавна так

повелось. У них в этом смысле свои законы, свои традиции. Шах на всякий случай держал курдское ополчение – против Турции. Турок всегда раздражал этот народец. Думаю, – профессор лукаво подмигнул Пронину, – они с удовольствием провели бы небольшую акцию по уничтожению курдов – наподобие того, что турки делали с армянами в Первую мировую, а Гитлер сейчас пытается сотворить с евреями в своих лагерях.

– Боятся, значит, курдов.

– Есть за что. Воинственные ребята, хотя и без царя в голове. Есть у них несколько групп – эдакие партизанские отряды. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Советую вам с ними самому познакомиться. Правда, я тут помочь не могу. Не имею надежных связей. Но у вас наверняка найдутся люди, которые...

Такие люди у Пронина были. И он направился к товарищу Торосяну. Его лавка еще работала, но посетителей уже почти не было.

– Заходи, Иван, посидим на ковре. Отличные ковры!

– Я обещал – и я обязательно их куплю.

– Вот и молодец. Но ты же не за этим пришел, я правильно понимаю?

– Вы, как всегда, проникательны, благословенный Абти-ходжа. Просьба у меня к тебе. Ты с курдским подпольем связь держишь?

– Боже мой, что за выражения. Подполье, связь... Мы

не на гражданской войне, Иван-джан, а просто на Востоке. Я знаю уважаемых людей, веду с ними кое-какие дела, хожу в гости. Но я знаю, кто вам нужен. И поехать туда нам придется вместе. У вас имеется мотор?

– Всенепременно.

В советском военном представительстве Пронина снабдили отличным джипом – уже военного года выпуска. Вместе с Торосяном они поехали к курдам, на запад от Тегерана, поближе к турецкой границе.

– Теперь ты понимаешь, что русские дороги – это не бездорожье, – ворчал Торосян, не выносивший тряски.

– Придёт время – и нашим дорогам даже американцы позавидуют.

– В этом-то я не сомневаюсь. А Иран всегда будет страной контрастов. Шик и блеск во дворцах – и нищета. Всё, как во времена «Тысячи и одной ночи». Если бы ты ещё читал эту книгу в оригинале... Наверное, отказался бы от этой командировки.

К вечеру они добрались до штаба крупнейшей курдской организации «Свободный Курдистан». Главную роль здесь играли несмирившиеся езиды, хотя попадались и приверженцы армяно-григорианской церкви.

Встречал Пронина отставной майор иранской армии, глава влиятельного курдского рода Эдеб Баязиди. Загорелое лицо, толстая шея, на которой красовалась не менее толстая золотая цепь...

– Доброго дня тебе, Эдеб! Я привез тебе гостя из Советского Союза. Гостя очень уважаемого. И полезного для нашего дела, – начал Торосян.

Эдеб протянул Пронину огромную загорелую руку, твердую, как наждак:

– Эдеб Баязиди. Я говорю по-русски. Много служил с вашими казаками.

– Пронин. Иван Пронин.

– Будем говорить о делах или ужинать?

– О делах, – твердо сказал Пронин.

– Тогда я слушаю вас.

Они присели в грубо сколоченной беседке, прямо на свежем воздухе.

– Сколько у вас людей?

– Это смотря как считать. По кланам – тысяч сто. Это считаются мои люди. Но вооружённых из них гораздо меньше. И не только потому, что у нас мало оружия. Просто не все наши люди – воины.

– А сколько всего курдов в Иране?

– Миллиона два. Из них четверть приняли ислам, и их сейчас непросто отличить от персов.

– В таком случае напрашивается вопрос: сколько у вас вооружённых людей?

– Тысяча – проверенные люди, настоящие диверсанты. Опыт – великое дело. Если собрать ополчение против турок, как мы хотели, – я соберу тысяч семь. Но настоящих воинов

из них — только та тысяча. А с сотней из них я пошёл бы на любое дело.

Эдеб понравился Пронину умением отвечать лаконично и конкретно. Созрел план взять его с собой в Тегеран, чтобы продемонстрировать американцам и англичанам, что он работает с курдами, что сделал ставку на войну против Турции. Такая дезинформация нам сейчас на пользу.

— Тысяча профессионалов — это немало, — задумчиво сказал Пронин. — Это тема для разговора. У меня к вам предложение. Вы можете стать моим гостем? На неделю-другую?

Эдеб подумал с минуту и ответил со свойственной ему четкостью:

— На две недели не смогу. Слишком много дел. Но дней на пять-шесть — готов.

— У нас будут новые дела. Быть может, более важные и для вас, и для курдского народа.

Пронина удивило, что Эдеб — такой боевой товарищ — быстро согласился на поездку в Тегеран и даже не взял с собой телохранителей. Возможно, он просто доверял Торосяну, считал его своего рода начальником... Так или иначе, обратный путь они проделали втроём.

В доме Пронина тем временем хозяйничал Альварес. К приезду гостей он, искусный кулинар, как раз приготовил паэлью. Вокруг них крутился Шарик, барабаня хвостом по стенам и ножкам стульев. Альварес сразу порадовал Пронина новой тегеранской сплетней:

– Бугримова сегодня ночевала у шаха. Вернулась в гостиницу к десяти утра. С подарками.

– На что расщедрился его величество?

– Подарки, по словам Курпатова, скромные. Продовольственные, так сказать. Но их много.

– Понятно, – Пронин махнул рукой.

Он был почти уверен, что интрижка с Бугримовой полезна для сближения шаха с Советским Союзом, но серьёзных перспектив не имеет. Эта женщина укрощает львов. Она прирожденный лидер. Это привлекает таких мужчин, как ша, х – как экзотика, как необычное приключение. На некоторое время. Но не более. Ужиться в одном дворце, даже огромном, они не сумеют. Он просто испугается такой перспективы. Шах не из завоевателей, не из самых сильных особей. То, что его привлекают женщины с характером, – очевидно. Но слишком сильную даму он не стерпит. Просто рухнет под её психологическим давлением. И случится это скоро – самое большое дней через десять. Поэтому в качестве будущих невест шаха Пронин все-таки рассматривал сестричек из Швейцарии. Из них можно воспитать настоящих шахинь. Другой вопрос: кого в конечном итоге выберет Мохаммед?

Вечером Пронин заглянул к Балабанову.

– Готовитесь к шахской охоте? – улыбнулся профессор. – Он вас уже пригласил? Если не пригласил, то скоро пригласит. Небось не охотились в таких краях?

– Пострелять люблю с детства. Не оплошаю.

– О, в этом-то я не сомневаюсь. И уже наслышан о ваших курдских делах. Весь Тегеран шумит о том, что с лёгкой руки русского в городе поселился самый известный и опасный курдский партизанский командир, гроза турок. Особенно моя мадемуазель Аннет интересовалась. Ну, я ей обрисовал облик господина Эдеба. М-да. Если через месяц не состоится нападение на турецкие позиции – наши зеваки будут разочарованы. А я, пожалуй, кое-что уточню в своем исследовании о происхождении великих кордов.

Пронин возвращался на виллу пешком. Прогуляться вечером – что может быть приятнее? Открыл кованые воротца. По саду бегал Шарик, он сразу бросился навстречу хозяину.

– Воспитывать тебя еще и воспитывать. Вот займусь тобой дрессировкой – уже не побегаешь так свободно! – ворчал Пронин, почёсывая ему морду. – Ладно, пошли домой, поужинаем – и спать.

Альварес уже углубился в какую-то книгу, расположившись в своей спальне.

Пронин зашел на кухню. Налил себе лимонаду, Шарику – молока. Нагнулся, чтобы поправить занавеску, – и замер.

В дверях стоял незнакомый бородач – рослый, сутулый иранец. И его взгляд не сулил Пронину пощады. Он что-то прошипел на своем языке – видимо, говорил, что пришло время расплаты за братьев-исмаилитов, которые по милости русского оказались за решеткой. Бородач не вынимал рук

из карманов. Что у него там? Гранаты или все-таки пистолеты? И тут бородач сказал по-русски – он явно специально выучил эту фразу для сегодняшнего дельца:

– Ну, а теперь молись и прощайся с жизнью.

Огромный исмаилит достал из-за пояса пистолет – чуть ли не самодельный – и прицелился, но тут же взвизгнул и опустился на колени, а потом даже выронил оружие. Это Шарик, тихо подкравшись, сначала укусил его за голень, а потом вцепился в руку. Пронин подбежал к гостю, ногой отбросил в сторону пистолет, а в другом кармане нашел лимонку. На шум прибежал и Альварес.

Они связали исмаилита, перевязали ему раны и дали воды.

– Но каков Шарик! – кричал Альварес, – подкрался, как настоящий разведчик, не залаял, даже не рыкнул. Вцепился в него – и шабаш. Иван, да он тебе жизнь спас!

– Это точно, – Пронин поцеловал Шарика в довольную морду.

– Теперь ты обязан взять его навсегда. И в Москву с собой перевезти.

– До Москвы ещё дожить надо. Здесь стреляют каждый день! – Пронин саркастически улыбнулся. – Но насчёт Шарика ты прав. Сто процентов.

– Это они тебе мстят за курдов. Ты привез в Тегеран Эдеб... Исмаилиты уже видят в тебе сильного врага, – сказал Альварес, отрывая бутылку испанского вина. – Промо-

чим горло? А то после таких приключений лично мне будут сниться кошмары.

– Наливай. А для мести повод всегда найдется, – Пронин задумчиво обнимал Шарика.

В этот вечер Ивану Николаевичу показалось, что он приехал в Тегеран специально, чтобы стать мишенью для террористов. Может, и план Центра на самом деле состоит именно в этом? Кто знает?

Танец дервиша

Пронин пригласил шахиню на балетный концерт, а сам готовился вечером посетить экзотическое представление, на которое его позвал сам шах. Это – танцы мевлеви, братства «вертящихся дервишей», последователей персидского поэта и мистика Руми. Они в последние века пустили корни и в Турции, и в Персии. Иногда власти притесняли их, иногда – приближали. Но при дворе Пехлеви этих дервишей превратили в своеобразных артистов, выступлениями которых можно было потешить иностранных гостей. Такого зрелища Пронин и впрямь, судя по всему, еще не видел. Погода стояла солнечная, жаркая, хотелось просто перетащить плетёную лежанку в сад и отдыхать. Но отказываться от приглашения шаха он не имел права – и смиренно повязывал галстук.

Небольшой зал, в котором выступали дервиши, располагался прямо в шахском дворце. Это было круглое помещение с несколькими рядами удобных пурпурных кресел. Выделялась шахская ложа – с крышей и занавесками, находившаяся напротив парадных дверей. А в центре, как в цирке, – круглая эстрада. А точнее – арена.

При входе Пронину вручили серебряную пластину с номером кресла. Это было почётное место – справа от шахского трона. Он сел одним из первых. Издалека слышался ме-

лодичный топот – видно, где-то поблизости дервиши репетировали.

Просторная шахская ложа пустовала. Но вот в парадных дверях появились двое в нарядной форме – с аксельбантами и орденами. Пронин вспомнил изречение из книги какого-то путешественника: «Чем слабее страна – тем больше золотых орденов у её царей и фельдмаршалов». Да, это были они, неразлучные друзья, правители Ирана. Шахиншах Мохаммед Пехлеви и его ближайший советник и секретарь Эрнест Перон. Пронин встал. Шах быстро подошёл к нему, не обращая внимания на своих вельмож, которые тоже приветствовали монарха.

– Рад видеть вас, господин Пронин. Мы ещё успеем обсудить наши торговые дела, а сегодня вы просто мой гость. Надеюсь, после представления вы поделитесь со мной впечатлениями... Заходите прямо в ложу, не стесняйтесь.

Шах широко улыбнулся и занял место на троне. Рядом с ним уселся и Перон. Пронин заметил, что советник общается с монархом совершенно на равных. Видимо, студенческая дружба не всегда забывается после коронации... Особенно когда это немного больше, чем дружба. Кстати, несмотря на всю прогрессивность шаха, на танцующих дервишей собрались поглядеть только мужчины. Такова традиция.

И вот началось... Бородатые мужчины в белоснежных юбках принялись кружиться на арене, что твои веретёна. Полу-

чалось это у них ловко – почти как у наших балетных. От коленцев, которые выделявали дервиши, захватывало дух. Да, ничего подобного Пронин ещё не видал. А зрение ему природа дала острое. Оно не раз выручало чекиста. И потому он заметил странную особенность этого танца: все дервиши (а их было на арене не меньше пятнадцати) крутились примерно одинаково, синхронно. Это и восхищало зрителей, которые радостно им подхлопывали. Но один из бородачей крутился немного иначе, наособицу. Он наклонял туловище почти до земли и при этом как-то странно шевелил руками. Солист? Пронин сразу определил, что шах этих манипуляций дервиша не видит: от него он прикрыт двумя коллегами и их огромными юбками. А что, если... Да, никаких сомнений быть не может: этот дервиш прицеливается. И его жертва явно находится в шахской ложе. Что делать? Пронин встал и, подхлопывая, подошел к краю арены – как будто совсем вошёл в раж. Он сделал несколько шагов вдоль кромки арены и остановился метрах в полутора от того странного дервиша. Бородач не обращал внимания на чекиста. Пронин казался ему просто восторженным зрителем, который не удержался в кресле, аплодируя виртуозам. Стрелок в очередной раз вывернулся, как кошка, и Пронин отчётливо заметил в его широком рукаве пистолет. Сам «торговый представитель Совнаркома», как полагалось, при входе в шахский дворец сдал оружие. При нём осталась только металлическая расческа, отточенная, как нож. Он на всякий случай носил её во внут-

реннем кармане пиджака, а охранники – наверное, из почтения – не стали обыскивать высокого гостя.

Только один человек в зале заметил действия Пронина, это был полковник Саджани. Вызывать охрану он не стал: да на это и времени не имелось. Саджани встал, изогнулся и начал медленно приближаться к русскому гостю. В это время дервиш, надежно прикрытый от шаха юбками других танцоров, прицелился по-настоящему. Пронин сразу решил: пора. Быстро достал из кармана бритву и бросился в ноги дервишу. Резанул его под колено. Бородач закричал и, падая, выстрелил наугад в сторону шахской ложи. Пуля прошла выше цели. Тут же на него бросился Саджани. Появились охранники. Раненого дервиша разоружили и скрутили.

Пронина обнял за плечи Перон. «Шах просит вас зайти в ложу», – сказал он по-немецки. И добавил: «Благодарю вас, вы настоящий герой».

– Дорогой господин Пронин. Товарищ Пронин, – с мягким акцентом начал шах, – сегодня вы спасли мне жизнь. Чем я могу наградить вас?

Пронин за словом в карман не полез:

– У меня две просьбы, ваше величество. Во-первых, обратитесь к нашему правительству с предложением нового торгового договора. Признаюсь откровенно, это сильно повысит мое влияние в Совнарком. А вторая... Пообещайте мне, что будете присутствовать на всех одиннадцати представлениях наших артистов, которые запланированы.

– Это просьбы истинного патриота своей страны. И мы выполним их. Но я добавлю к ним нашу высшую государственную награду – орден Пехлеви. И надеюсь, ничья чёрная зависть не омрачит этой честной награды. Но скажите, господин Пронин, как вам удалось разглядеть этого убийцу?

Один из охранников, прервав их разговор, раздвинул портьеры ложи и упал на колени:

– Мой шах, вот пуля, которая могла прервать вашу драгоценную жизнь.

– Оставьте нас, – резко прервал его льстивые речи Пехлеви.

Портьера закрылась, и шах продолжил, восхищенно глядя на Пронина:

– Вы бросились на него, как Барс.

– Ну, это неудивительно. Я прошёл две войны. Сражался в передовых отрядах. Кое-что ещё умею. А что касается первого вопроса, ваше величество... У вас говорят – всевышний, у нас говорят – природа. Но я с детства наделён острым зрением. Этот негодяй специально прятался от глаз вашего величества, но не от моих глаз...

– С таким зрением вы, наверное, отменно стреляете.

Пронин скромно потупил глаза:

– И охоту, и соревнования на стрельбище люблю не первый год.

– Я приглашаю вас на охоту! Через неделю! Это будет настоящая шахская охота на кабанов в красивейших местах –

в предгорье, в районе больших озёр, – он восторженно повторил эту фразу по-немецки, и Перон воскликнул: «Отличная идея!»

– Ваше приглашение – большая честь для меня, – Пронин поклонился, чтобы скрыть улыбку. Именно об охоте он и мечтал последние недели!

Шах тоже улыбнулся:

– Кстати, следствие будет вести лично полковник Саджани. Я прошу вас помочь ему. Вас и русских юристов. Очень нужно докопаться до истины – почему этот фанатик хотел меня убить?

– Рад буду помочь в силу моих скромных возможностей, – развёл руками Пронин.

Ему понравилось, как вел себя Мохаммед после выстрела. Без суеты, по-мужски сдержанно. В эту минуту Пронин подумал, что этот человек все-таки станет настоящим шахом, и никакие младшие братья ему не помешают.

Когда Пронин удалялся из зала, шах долго смотрел ему вслед. «А все-таки он не только торговец. Он ещё и воин. Такие они, эти русские. Почти все воины».

* * *

Следствие началось в ту же ночь. Допросы террориста и его родственников вёл сам полковник полиции Саджади, вечно нахмуренный, худощавый и по-собачьи верный моло-

дому шаху, который и назначил его на столь высокую должность. Саджани считали лучшим аналитиком управления. В своё время он считал полезным сотрудничество с Германией, но после Сталинграда возносил благодарности Аллаху за то, что Иран сдружился с Советским Союзом и Британией.

Саджани сразу определил, кому было выгодно убить русского торгового представителя. Конечно же, коммерческим конкурентам. Русские в конечном счете старались положить руку на иранскую нефть. Вот нефтяные магнаты и нашли «шахида». Убийцей оказался клерк одной из торговых фирм, по совместительству приверженец агрессивной секты исмаилитов. Его друзьям-фанатикам не составило труда убедить его в том, что гость из России – агент мирового коммунизма, дьявольского учения, которое борется с учением пророка.

Саджани, получив полномочия от шаха, быстро провёл аресты весьма влиятельных персон, стоявших за спиной убийцы. Трое из них занимались добычей и переработкой нефти. Особое внимание следствия привлек сын «керосинового шаха» Ирана Лжафара Намджу – Хасан Намджу. Саджани сразу почувствовал, что этого молодого человека политика интересовала больше коммерция. Он говорил уклончиво, вял, но полковнику было ясно, что Хасан состоит в какой-то новой, загадочной политической организации. Поэтому, когда Саджани встретился с Прониным, он первым делом рассказал ему об этом молодом Хасане Намджу.

– Вы устроите мне встречу с ним? – спросил полковника Пронин.

– Думаю, это возможно. Их величество позволил мне подключить к работе советских коллег. Вы хотя и не юрист, не полицейский, но весь Иран уважает представителя Совнаркома.

– Благодарю вас, полковник, а юриста я с собой захвачу, – усмехнулся Пронин.

На следующее утро полковник ждал русских гостей у ворот старой тегеранской тюрьмы. Пронина действительно сопровождал юрист – сотрудник советского посольства Генрих Яковлев, свободно говоривший на фарси. Саджани провел их по затхлым тюремным коридорам, спускаясь всё ниже и ниже. В дальнем подвальном каземате располагалась комната для допросов. Там уже сидел Намджу, привязанный к стулу. Над ним возвышался плечистый охранник.

– Я, с вашего позволения, присутствовать не стану. Устаю от здешнего климата, – иранский полковник с лёгким поклоном удалился.

Пронин и Яковлев сели напротив арестованного.

– Генрих, переведите ему мой первый вопрос. Почему вас не устраивает правление нового шаха?

Намджу принялся эмоционально и громко отвечать, озлобленно поглядывая на русских гостей. Яковлев спокой-

но переводил:

– Во что вы превратили великую Персию? В перевалочный пункт, в мировой бордель! Забыты скрижали наших великих царей, державших в руках полмира. Хотите правду? Ирану только повредил ислам – эта религия нищих и бродяг, которых собирал под свои зелёные знамена Мохаммед. У нас есть нечто посильнее – наш персидский дух. Непобедимый дух первой в мире великой цивилизации, которую многие пытались стереть с лица Земли. Но не стерли! Вот и вы пришли, русские, англичане... Но вы уйдёте – а мы останемся здесь.

Тут в каземат всё-таки заглянул полковник, видимо, услышавший крики арестованного.

– Вы всерьёз считаете, что Иран может отказаться от ислама? – Саджани нервно закурил американскую сигарету. – Сушная глупость! Просто идиотизм!

Хасан продолжал рассуждать, а Яковлев дотошно переводил его откровения:

– Мы всё делаем для этого. И с годами таких, как мы, будет всё больше и больше. Перед нашей персидской цивилизацией преклонялся Александр Македонский. Он побеждал наших воинов в бою, но стал пленником нашей культуры, нашего незыблемого и великого уклада жизни.

– У вас имеется подпольная организация? – спросил Пронин.

Арестованный захохотал.

– А вы думаете, дело только в исмаилитах, в этих дурачках с Кораном в башке? Есть у нас организация. И с каждым годом к ней примыкает всё больше молодых иранцев – представители старинных родов. Мои предки держали в руках целую сатрапию! А вы превратили меня в пыль.

– Что это за организация? Назовите немедленно! – закричал Саджани.

– Назову. Когда ты выйдешь отсюда вон. И уберешь своего живодёра, – он покосился на охранника.

– Да как ты смеешь? – закричал полковник, окончательно потерявший самообладание.

Пронин обернулся к нему:

– Дорогой полковник, вы помните, что их величество гарантировал нам полноправное участие в расследовании. Для нас главное – докопаться до истины. Прошу вас на этот раз выполнить его условия.

– Ну, если наш гость так настаивает... – прошипел Саджани, – но все последствия останутся на вашей совести!

Полковник сделал знак охраннику, и оба они покинули каземат.

Хасан некоторое время молчал – чтобы убедиться, что полковник не обманет его и не вернется под эти низкие своды в самый решительный момент. А потом Пронин услышал его хрипловатый шёпот:

– Нас всех всё равно казнят. Покушение на вас, господин Пронин, только повод. Я расскажу вам о нашем обще-

стве. Но сначала поклянитесь мне, что не расскажете об этом ни одному иранцу – по крайней мере в течение года. Я не враг русским. Я враг нашему слабому шаху... И прошу вас говорить как можно тише. Здесь толстые стены, но полковник хитёр. Наверняка сейчас прислушивается к нашему разговору в какой-нибудь тайной комнате.

– Клянусь, – тихо сказал Пронин.

– Клянусь, – эхом повторил Яковлев.

– Тогда слушайте. У нас не только подпольное общество. Вы знаете, что европейские рыцарские ордена в Средние века создавались по образцу наших, персидских орденов, в которые входили самые благородные и храбрые царские воины. Они тайно боролись против заговоров, против повстанцев, против всяческой смуты, против наших врагов, которыми были и греки, и римляне, а позже – арабы и сельджуки... Против придворного предательства. Молились своим богам. Помогали царям бескорыстно. А иногда и ставили царей – если на троне оказывался слабый человек. Вы умеете переводить?

– Говорите, Хасан. Наш Генрих первоклассный переводчик.

– Мы организовали орден еще при старшем Пехлеви. У нас были на него надежды, но и он не был достоин трона Ахеменидов, державших в руках полмира. А знаете, как называется наш орден? «Дарий Великий», – с гордостью прошептал Хасан. – Наша задача – сбросить с трона жалкий род

Резы-хана и поставить настоящего потомка Ахеменидов.

– А такие есть?

– Есть. Один, единственный. Мы бережём его как зеницу ока. Ему семнадцать лет. Каждый член ордена готов отдать за него жизнь. А нас уже 320 человек. Меня вы погубите, значит, 319. А больше вам ничего знать не надо. Узнаете, как все – из газет, – арестованный недобро усмехнулся.

– Вы в чём-нибудь нуждаетесь, вас здесь кормят?

– Скажите им, чтобы дали хлеба. Они кормят меня только соленой рыбой. А воды дают два наперстка в сутки. Глупая пытка. Я всё равно буду нем. А послезавтра меня казнят. Прошу вас не препятствовать им в этом. Потому что если вы меня спасёте – я должен буду работать на вас. А я не хочу работать на русских. Ничего не имею против вас, но служить буду только своему царю, потомку Великого Дария. А правдой я с вами поделился, только чтобы не уходить в царство теней с таким грузом тайны. Вы облегчили мне последние часы.

На выходе к Пронину сразу подскочил полицейский полковник. Но Иван Николаевич только хмуро молчал – всю дорогу до машины. Молчал и Яковлев. По его глазам Пронин видел, что юристу дурно, что ему нужно прилечь. Пронин протянул ему фляжку с коньяком: «Хлебните, Генрих, дружище». И действительно, после глотка «живительной влаги» Яковлеву стало чуточку легче.

– Заедем в гвардейский корпус – хлебнуть кофе в буфете?

– По-моему, там не очень уютно, – откликнулся Яковлев, – зато по дороге.

В пустом буфете сидел за стопкой коньяку один-единственный посетитель – Курпатов. Пронин дал знак Яковлеву – и тот вернулся в машину. С казачьим командиром куда полезнее побеседовать наедине.

– Доброго дня, подполковник!

– Здравствуйте, Пронин, присоединяйтесь. Коньяк здесь недурной.

– Выпьем. Сегодня обязательно выпьем по стопочке, – Пронин достал фляжку. – Но, если не возражаете, моего коньячку. Это «Двин».

– Ну, что ж, давайте двинем. За ваше чудесное спасение!

– Спасибо, подполковник.

Они выпили армянского.

– Крепка советская власть, – крикнул Курпатов, – и коньячок большевистский хорош. А я рад, что вас сегодня встретил. Ведь после того случая с дервишами я понял, что вы не только в Первую мировую воевали. Правильно? Не отвечайте. Я понимаю, вы не имеете права. Тайна есть тайна. Это мы знаем, научены. И не буду я кричать на весь Тегеран: «Чекист! Чекист!» Но для меня важно, что я знаю и ты знаешь...

После этого нетрезвого разговора Пронин в задумчивости вернулся к машине. Яковлев смиренно ждал его. Иван Николаевич возвращался домой в тяжёлых раздумьях. Ему не нравилось, что Курпатов так легко определил, что пе-

ред ним чекист, а не торговец. Значит, где-то я сработал непрофессионально. В чём? Не стоило спасать Мохаммеда? Но убийство молодого шаха не входило в планы Берии. А теперь я стал доверенным лицом монарха, получил высший орден Ирана... Чего хочет от меня старая шахиня? Помогать Али-Резе я не стану, просто не имею права тратить на это время. Но первое её предложение – «подарить Мохаммеду жену» я постараюсь исполнить. Будет ли мне теперь помогать Курпатов? Не навредит ли мне такая помощь? Тут многое нужно прощупать. Наверное, на охоте придётся по душам поговорить с шахом. Возможность для этого будет. А этот швейцарец... Тут не обойтись без помощи наших старых тегеранских агентов. Нужно полное досье на него. Он явно работает не только на своего однокашника – независимо от их плотских утех.

Посольский лимузин довез Пронина до его тихого особняка. Он крепко пожал руку Яковлеву и направился напрямиком в душевую. Нужно было смыть с себя дух каземата. А главное – поразмышлять о том, как мы можем использовать деятельность ордена «Дарий Великий» в своей игре.

Альвареса дома не было. Шарик спал на своей подстилке. Пронин решил в одиночестве прогуляться по ночному Тегерану. Только так и можно познать дух города – без собеседников. Он отмерял шаги по пустому городу. Даже нищие уже покинули свои боевые позиции и разошлись по лагунам. «Итак, Курпатов. На что он намекает? Не исключено,

что ему надоело служить молодому шаху и он готов к вербовке. Саджани. Производит впечатление туповатого, но честного полицейского. Здесь, на Востоке, коррупция не считается зазорной, но он, кажется, из другого теста. Но он явно ревнив. И может стать опасным врагом, если посчитает, что я стал новым любимцем шаха...».

С такими мыслями Пронин сделал круг и добрёл до своего сада. Калитка была распахнута, а он точно помнил, что запирает её. «Гости? Или уборщица?» Ответ пришел быстро: на лавочке, возле крыльца, Пронин увидел старика Балабанова.

– Игорь Сергеевич, какой приятный сюрприз! Сейчас чайку соорудим, по-русски. У меня чёрный хлеб, сухари...

– Здравствуйте, дорогой Иван Николаевич! Я пришёл к вам не чаевничать. Увы. Просто я окончательно запутался. Окончательно. Ко мне приходил Курпатов, меня возили к шахине. У них сумасшедшие планы... И они говорили о вас. Ведь это я вас с ними познакомил. Честно говоря, от таких планов мне страшно. Я привык иметь дело с рукописями, с черепками, а тут стреляют в шаха...

Пронин помог профессору встать, провел его в комнату и всё-таки поставил чаю. А Балабанов не умолкал:

– Вы не все знаете, господин Пронин. Если сейчас здесь начнется отчаянная борьба за власть, мне нужно будет покинуть Иран. Я не хочу погибать... А это будет жестокая схватка. И скажу вам, дорогой Иван Николаевич, зря вы отправи-

ли в отставку старого Резу. Он хотя и увлекался гитлеровскими идеями, но умел держать власть в кулаке. С ним и вам было бы легче торговать... И торговаться.

– Тем более что к гитлеровским идеям приучили его вы. В известном смысле, по крайней мере, – усмехнулся Пронин, наливая кипяток в заварной чайник.

Балабанов замахал руками:

– Я никогда не был сторонником нацизма. Просто я люблю прошлое этой страны. Да, персы, парфяне – это арии. В древности – центральная нация, которая дала толчок развития всем ариям. Я рассказывал об этом шаху, а он, со свойственной ему категоричностью, велел переименовать страну. Знаете, они все хотят остаться в истории великими преобразованиями. Переменить название страны – это масштабно! Вот Реза и ухватился за это после одного из наших разговоров...

– То, что вы говорите о центральных нациях, крайне сомнительно с точки зрения марксизма, – заметил Пронин. – И мне все-таки больше нравится название Персия. А вы просто всё запутали с этими новыми названиями...

– Подождите, дорогой Иван Николаевич, но местные жители с древних времен называли свою страну страной ариев. Не я это придумал... Персия – это, по сути, греческое название. Персы – или фарсы, парсы были только одним из племен, населявших Иранское государство. Империю Ахеменидов официально называли «державой Ариев». Империя Са-

санидов – Эраншахр. Чувствуете?

– Скажите, Игорь Сергеевич, а вас никогда не вербовали немецкие агенты?

– А зачем? Я общался с немцами, у нас их в недавнее время было много. Но они немного побаивались мою Аннет. Ведь она англичанка. Нет, немцы мне не доверяли. Слава богу, не доверяли.

– Значит, вы работаете на англичан?

Балабанов пожал плечами:

– Не знаю. Возможно, она как-то использовала мои связи, мои знания к пользе своих соотечественников. Но я всегда работал только на науку. И, кстати, не отвергал советского гражданства!

– Мы это ценим. Так что вы хотели мне сказать?

Они приступили к чаепитию. Пронин достал сладких ванильных сухарей и чёрных солоноватых.

– Я не хотел бы новой революции. Мохаммед утвердился у власти. У него немало сторонников в гвардии. И среди казачков. Курпатов теряет влияние... Али-Реза неплохой человек, но шахиня, при всём моём к ней уважении, зря так относится к дружбе Мохаммеда с этим швейцарцем. Мохаммед любит женщин, и вы сами можете в этом убедиться.

– Как?

– Да он уже вторую ночь проводит с вашей укротительницей. Неужели вы не знали?

– Знал, – соврал Пронин. – Но в интимную жизнь наших

актёров я не вмешиваюсь.

– А вы вмешайтесь. Чтобы отместить обвинения шаха в гомосексуализме. И объясните шахине, что он мужчина. Даже, я бы сказал, слишком мужчина. Все-таки на земле существуют и другие радости, кроме плотской любви. А он неутомим. И не слишком избирателен для монарха. Курпатов что-то говорил о том, что надо женить Мохаммеда. В этом я с ним согласен. Вы привезли невест. Будем считать, что Бугримова – пробный камень.

– Хорошо сказано, профессор.

– Если, конечно, вы не готовы оставить знаменитую укротительницу в Иране...

– Ну, мы бы не возражали, если бы Ирина-ханум стала шахиней. Если шах действительно влюблен.

Профессор схватился за голову:

– Я совершенно запутался. Нет, это не для моего возраста и не для моего ума.

– А скажите, дорогой профессор, знаете ли вы юношу, которого некоторые горячие головы в Тегеране считают единственным истинным потомком Ахеменидов? Знакома вам эта история?

Балабанов поморщился:

– Это какая-то ерунда. Конечно, я слышал. Противники Пехлеви нашли сироту из знатной фамилии – Муктаду аль-Малика. Его родители погибли. Несчастный случай. Это действительно знатная династия. При разных правителях они

лет двести занимали важное место в персидской иерархии. Но в начале XVIII века следы этого рода теряются... Какие уж там Ахемениды! Всё, что придумано на этот счет, – обыкновенная фальсификация. Ни один учёный с ними не согласится! Но для народа самозванец может стать великой силой. Вот эти сектанты его и берегут...

– Может быть, вы даже знаете, где?

– Слухи, слухи... Слухи до меня доходили. В Дизфуле его держат. В окружении немногих верных слуг, которые внушают мальчишке, что ему предназначена великая роль. Чувствую, закончится это большой кровью. Пехлеви раздавит их, как клопов. Несчастный мальчишка...

– Вы про Муктаду?

– Конечно. Поверьте, сторонников у него – горстка. Слишком мало, чтобы совершить переворот...

«Дизфуль, – сразу прокрутилось в голове у Пронина, – старинный городок с крепостями на Западе Ирана. Там проходит Трансиранская железная дорога. А два месяца назад туда пришли американцы. Дизфуль – их крупнейшая военная база в Иране».

Пронин, тоже смертельно усталый, вызвал из посольства машину, которая в третьем часу ночи доставила Балабанова домой.

Московский гамбит

Если бы Пронин по мановению волшебной палочки на несколько часов перенёлся в Москву, он бы в первую очередь набрал полную грудь воздуха. После ливня так хорошо дышалось, а он устал от иранского зноя.

Но Берия, выходя из машины, посмотрел на небо и поморщился: снова тучи, снова дожди, что за город эта Москва... Он с раздражением тряхнул длинным чёрным зонтом. Построили крепость среди лесов и болот, а тут даже солнечных дней в году – раз, два и обчёлся. Не зря Николай II хотел перенести столицу в Ялту. Лаврентий Павлович читал об этом в воспоминаниях какого-то придворного деятеля. Слабоват был царь, но в этом смысле мыслил верно. Трудно было южанину прижиться в Москве, так же как Пронину – в Иране.

Но нервничал он не только из-за погоды. Ночью его вызывал хозяин. Сталина интересовала обстановка в Иране, как там действуют наши агенты, как развивается операция «Сват». Берия отвечал вроде бы достойно – наш новый агент только начал действовать, а уже кое-чего добился. Но после этого Берия получил новую информацию. Оказывается, в Пронина уже стреляли. Он чудом остался жив. Погиб официант. На Востоке жизнь стоит недорого, это Берия знал по собственному опыту. Конечно, он не верил в случайность этого выстрела. Пронин пишет, за этим стоят иранские куп-

цы, увидевшие в нём конкурента. К ним пытаются подстроиться иранские националисты, какой-то тайный орден. Всё это так. Но по опыту Берия знал, что за каждым таким выстрелом, кроме толстосумов и националистов, всегда стоит и одна из крупнейших иностранных разведок. Кто? Возможны варианты. Германия, Турция. Вроде бы наши ребята взяли их под контроль. Думаю, они не стали бы рисковать и так громко заявлять о себе. Скорее тут проглядывает почерк союзников... Видимо, англичане, а может быть, и американцы, которые тоже освоились в Иране, решили показать, кто в доме хозяин. Их любимая среда работы – управляемый хаос. А убийство Пронина как раз и привело бы к такой ситуации. Англичане или американцы. Тут возможна и совместная операция этих союзничков. Это первое. Теперь второе. Как эти мудрецы поняли, что Пронин разведчик? Самое простое – они просто каждого высокопоставленного русского, приезжающего из Советского Союза в Иран, считают нашим агентом. Правдоподобно? Да, но слишком просто. В Иран в последнее время приезжали многие наши чиновники разных рангов – и военные, и штатские. В том числе инженеры, ученые. И ни одного покушения. А тут приезжает Пронин – и почти сразу же ему приходится уклоняться от пули. Двадцать сантиметров от гибели! Случайно? Нет, они начали персональную охоту за Прониным. И значит, у них есть для этого основания. Есть оперативная информация. Откуда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.